

ИСТОРИЯ

ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ
СОЮЗОВ И ОРДЕНОВ

ГЕОРГ ШУСТЕР

ТАМПЛИЕРЫ, ИЛЛЮМИНАТЫ, МАСОНЫ,
РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ, РЫЦАРИ СОЛНЦА,
КАРБОНАРИИ, МАФИОЗИ,
ФЕНИИ, ДРУИДЫ

Георг Шустер

История тайных обществ, союзов и орденов

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10314453

Г. Шустер. История тайных обществ, союзов и орденов: Айрис-Пресс;

Москва; 2017

ISBN 978-5-227-07507-9

Аннотация

Интерес к таинственному, стремление познать непознанное было присуще человеку на всем протяжении его истории. Оно обернулось появлением множества тайных союзов религиозного, этического, политического характера. Их истории, начиная с древнейших времен, и посвящена эта книга.

Содержание

Часть первая	5
Введение	5
Тайные общества и ордена древности	18
Глава 1. Египтяне	18
Страна и народ	18
Религия и культ	22
Тайный союз и тайное учение жрецов в стране Нила	32
Глава 2. Вавилония и Ассирия	41
Страна и люди по Евфрату и Тигру	41
Религия вавилонян и ассирийцев	48
Вавилонско-ассирийский жреческий орден и его тайное учение	52
Глава 3. Иранцы	60
Иран и его обитатели	61
Религия Ирана	71
Орден атраванов и магов	82
Глава 4. Индусы	90
Страна и народ Индии	90
Тайное общество брахманов и его учение	101
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Георг Шустер
**История тайных обществ,
союзов и орденов**

© «Центрполиграф», 2017

* * *

Часть первая

*Неосмотрителенверяющий тайну перу своему,
если не утаил от заурядного ума и не заставил
более разумно потрудиться и попотеть прежде,
нежели уразумееет ее.*

*От начала всего проплывает в потоке
этом целая флотилия мужей мудрых, что
путями многими труднейшие части мудрости от
большинства укрывают, дабы не вместили их.*

*Одни знаками и стихами много тайн поведали.
Другие – словами загадочными и образными.*

Р. Бэкон. De mirabili potestate artis et naturale

Введение

Во все времена и у всех народов существовали общества, союзы и ордена, которые сохраняли в тайне свои цели и приемы. Мы встречаем такие союзы в самых различных формах у диких первобытных народов, в глубокой древности, в мрачные Средние века, а также и в более светлые дни, которые явились на смену суровой, безотрадной эпохе.

Из древних времен нам известны тайные общества египетских и индийских жрецов, пифагорейцев и орфиков, различные греческие и римские мистерии, иудейские ессеи и кельтские друиды.

В Средние века мы встречаем общества плотников и каменщиков, известных под именем Bauhütten, впоследствии давших начало обществу свободных каменщиков – масонов; орден тамплиеров, тайные судилища; каланды – тайные общества взаимопомощи; братства Вольфганга, вальденсов и иезуитов. В Новые и Новейшие времена привлекают внимание розенкрейцеры, иллюминаты и рыцари солнца, карбонарии, секта друзов и дервиши, сицилийские мафиози, греческие гетерии, ирландские фении, ремесленные объединения «Странные товарищи», масоны и друиды. Насколько можно судить на основании дошедших до нас, частью весьма скудных, преданий и сведений об этих тайных обществах, они представляли собой или замкнутые кружки людей, возвышавшихся над общим уровнем своими дарованиями и высокими стремлениями, или служили во времена невзгод и гонений верным хранилищем высших духовных сокровищ, религий и философии, а также политических идей.

Казалось, почти все они служили одной и той же высокой цели: просвещению и облагораживанию ближнего, освобождению поработанного человечества от духовного, политического и социального гнета. Впрочем, не подлежит сомнению, что их цели нередко бывали и довольно туманны и даже безнравственны, что под густым покровом таинственности скрывалась лишь гнусная погоня за чинами и титулами, что легкомысленные головы лишь по-детски забавлялись громкими фразами, бессодержательными обрядами и символа-

ми. Известно также и то, что нередко заведомые обманщики, фантазеры, личности пошиба Катилины, люди худшего разбора основывали такие общества или же втирались в существующие союзы, чтобы пользоваться ими для своих личных, низменных целей.

Из всех нравственных идей, которые когда-либо существовали, существуют и будут существовать на свете, религиозная идея отличается наибольшей устойчивостью и могущественной длительностью. Ее таинственная власть, непрестанно меняясь, господствует над человеческим сердцем, над нравственностью народной массы: эта идея руководит наукой, искусством и поэзией, всем ходом мировой жизни, историческими путями человечества.

Много веков подряд человечество мучительно работало над уяснением религиозной проблемы, но до сих пор еще не проникло в ее сущность и вместе с тем не разрешило загадки бытия. Философы, теологи, антропологи, скептики, Иов, Аристотель и Софокл, Цицерон, Августин и Фирдоуси, Шекспир, Кальдерон, Вольтер и Шопенгауэр – все они работали над этой проблемой. Но им удалось установить лишь одно основное положение: человек не может отречься от Бога, все равно, стоит ли он на низшей ступени первобытного состояния или же на вершине цивилизации, «человек неизбежно должен проникнуться идеей божества, он не может отречься от нее, как не может освободиться от собственной совести». Гений также не может быть чуждым религиозного

чувства. Как сильна искренняя религиозность, доказал Гете, написав свою превосходную оду «Границы человечества».

Религиозное чувство в человеческом обществе пробуждается значительно раньше, чем люди начинают различать добро и зло.

Конечно, у первобытных народов не существует той ясности, какую мы наблюдаем у иудеев, христиан и магометан. Во всей их духовной жизни нет единства, нет определенной системы. Первобытный человек повсюду вокруг себя видит властные проявления сил природы, которые вызывают в нем тягостное ощущение собственного ничтожества и сознание своей подчиненности. Природа кажется ему подавляющей его враждебной силой, которая со всех сторон бесчисленными препятствиями стесняет и ограничивает волю. И в непрерывной борьбе с этим грозным врагом он не успевает разобраться во внутренней сущности его. Ужасающие его громы и молнии, утренняя и вечерняя зори, страшная сила бушующих ураганов, пламя вулканов, видимое на громадном расстоянии, возмущенные бурей кипящие волны океана – все это поработает его ум и наполняет его страхом и ужасом; с другой стороны, вид звездного неба, согревающие лучи солнца, сияние луны и звезд производят на него глубокое впечатление своим величественным спокойствием и правильной сменой явлений. Даже безбрежная морская гладь, безграничная степь, таинственная тишина первобытного леса, шелест деревьев, тихий плеск источников, уходящие в об-

лака снежные вершины гор расширяют кругозор первобытного человека, этого исполненного предрассудков «существа человеческого рода»; они пробуждают и приковывают к себе его внимание.

Великие явления природы пробуждают в человеческом духе глубокую потребность доискиваться причины каждого явления, каждого события, причем у первобытных народов проявляется сильная склонность до известной степени олицетворять все силы природы. Неправильное применение закона причинности приводит затем к тому, что человек ставит себя в такую зависимость от созданных его воображением признаков, что не в состоянии уже от них отрешиться. Если же предметы внешнего мира представляются одушевленными и обладающими волей, они кажутся также виновниками бедствий, истинная причина которых скрывается от умственного взора человека. Вследствие этого в глубинах человеческого ума возникает смутное предчувствие, что людям удастся со временем сделаться повелителями природы. Человек предается безумной мечте, будто он в состоянии уничтожить или, по крайней мере, ослабить влияние природных сил. Поэтому он прибегает к известным приемам, знакам, изречениям, которые уже проявили свое действие, – наивный самообман, не чуждый в более утонченном виде даже самым высоким умам.

Такие моменты в жизни народов обозначают начало религиозного поклонения; эти начала, подобно, например, идее

жертвоприношения, неразлучно сопутствуют историческому развитию религиозной мысли. «Идея жертвоприношения выражается в различных деяниях; она заставляет браминского йогина бросаться под колесницу Джагерната, она руководит финикийскою матерью, которая кидает свое дитя на раскаленные руки Молоха; она заставляет грека приносить гекатомбу (100 быков) в жертву Зевсу. Эта же идея внушает желание буддисту положить цветы к ногам статуи своего пророка, монахине и деве солнца – дать клятву в вечном целомудрии, а мусульманину – во славу своего Аллаха убивать гяуров; она учит христиан уничтожать альбигойское население целых городов; создавать инквизиционные суды, которые предпринимают массовые сожжения «ведьм», и руководит благочестивым паломником, который на коленях взбирается по ступеням собора Петра и Павла. Все это различные выражения одной и той же идеи жертвоприношения».

Объектом религии в ее первобытной и грубой форме является все, что привлекает к себе взоры человека, стоящего на уровне анимизма: цветы, камни, раковины, перья, живые существа.

Из неодушевленных предметов особенное поклонение вызывали камни. Метеориты, упавшие на землю в раскаленном виде, легко возбуждали благоговение. Они становились фетишами. Памятниками такого фетишизма, бесспорно, является, например, камень в Вифлееме, освященный, согласно библейскому сказанию, Иаковом, который на нем отды-

хал; черный камень в Каабе, в Мекке, и тот, который замурован в мечети Омара в Иерусалиме. Даже в XI веке от Рождества Христова английская церковь все еще вынуждена строгими эдиктами бороться с продолжавшимся культом камней.

Еще в большей степени повсюду было распространено поклонение деревьям. Деревья и целые рощи обоготворялись как божества или обиталища богов – культ, распространенный в особенности среди первобытных германцев. В Древней Греции веления богов распознавались в шелесте священного дуба в Додоне и в журчании священного источника, протекавшего у его основания. Чьи чувства могли бороться с очарованием шелеста листьев, грозного шума, поднимаемого бурей, когда стонали ветви и ломались целые сучья? Фантазия первобытного человека охотно одушевляла такой бушующий лес.

Как мы уже сказали, вода, в особенности источники, почиталась как нечто божественное. Так, устремленный куда-то поток считался у древних персов настолько священным, что они боялись чем-нибудь запятнать его чистоту.

Кто желал совершить особенно благочестивое деяние, тот строил мосты через реки и ручьи, чтобы таким образом предотвратить прохождение их вброд. Персидский царь Ксеркс, отправляясь в 480 г. до Р. Х. в Грецию, дошел до Геллеспонта и увидел, что понтонный мост разрушен ураганом. Разгневанный Ксеркс приказал высечь волны плетями – наказание, которое, очевидно, предназначалось богу моря.

Поклонение животным тоже весьма древнего происхождения, в особенности культ змей, который еще и в наши дни процветает в Индии и в могущественном негритянском государстве Дагомее. Мы знаем, что и Моисей однажды не устоял перед искушением воздвигнуть медное изображение змеи, которое считалось народной святыней и впоследствии хранилось наряду с ковчегом Завета и другими сокровищами в Иерусалимском храме, откуда лишь много веков спустя изгнал его богобоязненный Иезекииль.

Для темных народных масс, однако, оставалась непонятной духовная сторона аллегорического культа природы. Отвлеченные представления понимались дословно, невидимое принимало образ и форму, облекалось в плоть и кровь. Развивалась мифология.

Имя прилагательное, определявшее силу явления, превращалось в собственное имя божества: имя, в свою очередь, создавало представление о существе, которое сейчас же относилось к женскому или мужскому полу, в соответствии с грамматическим родом вошедшего в употребление названия (в образовании мифов большую роль играли языки, которые различают грамматический род, как арийские и семитские), и пробужденное воображение продолжало уже работать дальше, сочиняя божественный роман.

Культ солнца уже перестал удовлетворять; вскоре стали возникать сомнения в том, что дневное светило является первопричиной всех вещей, так как развитие и рост всего

существующего продолжается и ночью.

Явилось поклонение бесконечному, вечно движущемуся небу и плодоносной земле. Небо, мощное и величественное, которое повелевало ветрами и облаками, громами и молниями, люди представляли себе существом мужского рода в противоположность женственной, созидающей в тиши, восприимлющей земле. Из союза их произошел целый ряд богов, и каждому из них, в свою очередь, была приписана особая генеалогия. Таким образом возникли сначала семьи богов и затем целые поколения их; во главе этих последних был поставлен такой бог, который казался самым могущественным из всех сил природы.

Но безграничная народная фантазия не удовлетворилась этим. Она дошла наконец до полного воплощения в человеческом образе первоначально божественных существ. Антропоморфический бог получал новую человеческую генеалогию, но вместе с тем, превратившись в героя, переходил в область легендарной поэзии.

Когда воображение придало божествам вполне человеческие черты, создавшиеся мифы сделались вдохновителями искусства. Поэзия, музыка, живопись, скульптура и архитектура соединились, чтобы при помощи слова, красок, резца и молотка воплотить идею божества в человеческом образе. Там, где внешнее воплощение религиозной идеи достигло высшей степени совершенства, ее внутреннее содержание немедленно отступило на задний план. Изображение бога са-

мо делалось божественным. Люди хотели видеть своего бога, говорить с ним. Как произведение искусства, он становится уже собственностью общины. Ему строят храмы, окружают его символами и ритуалами, и фетиш готов. Негр, который грубо и безвкусно делает себе фетиш из чурбана, и Фидий, резцу которого принадлежит Зевс, одинаково хотели олицетворить своего бога.

Громадное значение в создании и развитии религии играли, конечно, жрецы. Сначала обязанности жреца возлагались на старейшего в роду, но, по мере того как жизненный строй принимал большую устойчивость, звание жреца становилось наследственным, и наконец складывалось отдельное сословие, или каста, жрецов. Когда же складывался жреческий класс, религия выигрывала в своем развитии, благодаря спекулятивной деятельности служителей культа, направленной как на догму, так и на обряды.

Между тем с течением времени первоначальное ядро божественного и героического эпоса, олицетворение сил природы изглаживалось из памяти потомков, и вымыслы начали принимать за действительность. Только в кастах жрецов сохранили истинный смысл древних мифов, который и превратился в более высокое теологическое учение, доступное только посвященным. Таинственность, которой окружали себя служители храмов, в значительной степени усиливала то почтение, с каким относился к ним народ, и обеспечивала их сословию прямое влияние на все общественные

и частные дела. Давно уже известно, что только таинственные и загадочные вещи, особенно если они окружены соответствующей, такой же таинственной обстановкой, оказываются в состоянии произвести прочное впечатление на нерассудительную толпу.

Поэтому у всех древних культурных народов – у египтян, персов, индусов, евреев, греков и римлян – мы находим тайные общества, которыми руководили жрецы. Но прежде чем заняться исследованием этих тайных обществ, бросим еще один взгляд на тайные общества у первобытных народов.

И здесь тайные союзы организуются специалистами этого дела, жрецами или шаманами. Шаманы – это волшебники и чародеи. Их деятельность выражается в том, что они излечивают болезни, занимаются предсказаниями, предвещают погоду, вымаливают урожаи, отвращают общественные и частные бедствия. У всех первобытных народов болезни, смерть, необычные явления природы и т. п. Приписываются злым чарам, против которых шаманы должны бороться, пуская в ход свои таинственные заклинания. Их деятельность проявляется в общении с богами и душами умерших с целью получить через них откровение относительно будущего.

Чтобы произвести глубокое впечатление на невежественные умы подвластного им населения, шаманы во время своих священнодействий облачаются в самые фантастические костюмы и при помощи волшебного барабана, волшебной трещотки или волшебного рога доводят себя до такого

нервного возбуждения, что с ними делаются судороги, кончающиеся серьезными повреждениями. По единогласному утверждению наблюдателей первобытных народов, шаманы, очевидно, поддаются самообману: они верят в действенность своего искусства. Однако несомненно, что до известной степени в их заклинаниях играют роль и сознательный обман, и грубое фиглярство. По справедливому замечанию одного известного историка культуры, такие явления неразлучны с самым духом шаманства.

«Во все времена и у всех народов представителям религиозного культа угрожала опасность, вследствие сознания чрезвычайной важности и возвышенности их задач, незаметно для себя увлекаться довольно сомнительными средствами для достижения успеха».

Шаманы, настоящую родину которых нужно искать у кочевников Северной Азии, в пустынных степях Сибири, у покрытого снегами и льдами полярного пояса, живут обыкновенно в стороне от орды; они особенно охотно выбирают себе учеников и последователей среди несчастных, страдающих припадками падучей болезни, среди карликов и горбатых и, наконец, среди альбиносов; они воспитывают их в строгом посте, непрерывном умерщвлении плоти и тогда только открывают сомнительные сокровища своих тайн, когда те успешно выдержат все предварительные испытания и истязания.

Если придерживаться того взгляда, что шаманизм сводит-

ся лишь к простому колдовству, с целью воздействовать на невидимые божества, то мы должны признаться, что почти все народы были жертвой подобного безумия и что даже в настоящее время они еще не вполне освободились от него. Ибо что же иное, как не шаманизм, изречения всяких оракулов, стуки, производимые духами, наконец, спиритизм, который находит, к сожалению, столь широкое распространение? Особенно злоупотребляют в шаманистическом направлении молитвой. Как часто она превращается в магическую формулу, когда ее словам приписывается власть над Божественной волей! Как легко и как широко распространяется такое заблуждение – доказывают поклонники Будды. Чтобы заслужить награду, они стараются перехитрить божество при помощи так называемой молитвенной мельницы. На вертящиеся валы наматывается бумага с написанными на ней молитвами; эти валы приводятся в движение, и верующие воображают, что божеству приходится принять эти молитвы так, как будто они были произнесены ими на самом деле.

У первобытных народов имеется даже тайный суд. Так, в немецких колониях Новой Померании и на западном берегу Африки существуют многочисленные тайные общества, имеющие целью руководить правосудием, преследовать и наказывать преступников. Члены такого союза узнают друг друга по известным знакам, которые хранятся в строгой тайне от непосвященных.

Тайные общества и ордена древности

Глава 1. Египтяне

Страна и народ

Египет, называемый черной землей, представляет собой длинную плодородную долину, образуемую течением Нила. Своим особым положением в мире Египет обязан Нилу. Вся страна, со всеми физическими, духовными и социальными особенностями ее быта и развития, есть создание священной реки. Это понял уже греческий историк Геродот, который назвал Египет «подарком Нила».

Когда над тропиками наступает дождливое время года, а на Абиссинских горах начинается таяние снега, тогда, ко времени летнего поворота солнца, река начинает медленно и постепенно вздуться и к концу июля на громадные пространства заливают берег. В это время вся страна напоминает необозримый океан. Бесчисленные суда оживляют ее воды, и стар и млад, пестро разряженные, ликуя, празднуют радостные дни божественного благословения. С той же постепенностью, как при разливе, воды спадают, и наконец в октябре река возвращается в свое русло, повсюду оставляя пло-

дородный ил, который она принесла с собой с высоких горных земель и из первобытных лесов. Как только почва просохнет, ее спешат обработать, и горячие лучи солнца быстро, как будто по волшебству, вызывают из земли посевы. В марте начинается жатва, затем наступают три месяца засухи, пока наконец в июне животворная, благословенная река не начнет снова свой круговорот.

Созданные легендарной рекой физические условия Египта, единственные в своем роде на всем земном шаре, определяли весь жизненный строй народа; река была одновременно его кормильцем и творцом. Особенность почвы, на которой всякая растительность почти без усилий приносила сам-сто, в то время как кругом царили печальное бесплодие и мрачная смерть, рано заставила население перейти от скотоводства к земледелию и вместе с тем к оседлому образу жизни и выработке права собственности. Превосходные естественные границы: пустыни, моря, горы – обеспечивали возможность беспрепятственного развития. Культура, раз возникнув, могла непрерывно развиваться дальше.

Уже самые периодические смены в разливах Нила приучали население к усердной работе и поддерживали в нем охоту к труду. Здесь развивалось судоходство, искусство орошения полей и проведения каналов. Нил принуждал египтян строить прочные плотины, чтобы противодействовать вредному, а иногда даже разрушительному действию разливов, возникло землемерие, в основном применяемое к межева-

нию полей.

Даже религия, с ее сложными, своеобразными формами культа и искусства, в своем вероучении, символах, жертвоприношениях и празднествах была связана с изменчивой жизнью природы в плодородной долине Нила.

Это раннее развитие разнообразных форм жизни уже в древности создало населению Египта славу древнейшего народа. По сообщению древних историков, Геродота и Диодора, жрецы хранили обширные летописи о народах Египта. На основании этих священных документов, около 250 г. до нашего летоисчисления храмовый летописец Манефон из Гелиополиса, – жрец, знакомый с египетской и греческой культурой, – составил историю Египта на греческом языке; это произведение, к сожалению, сохранилось лишь в отрывках, которые собрал иудейский историк Иосиф. Здесь говорится, что в течение многих поколений Египтом управляли сначала боги, затем второстепенные небесные силы и затем полубоги, пока наконец на трон не вступил фараон Нармер, который, по сообщению писателя, около 4000 г. до Р. Х. построил город Мемфис. С основания этой столицы начинается история Египетского царства, которая увековечена в необозримых рядах надписей и рисунков на пирамидах – этих величественных памятниках царей Египта.

Но египтяне казались Древнему миру не только самым древним народом, но также и «средоточием всякой цивилизации и всякого развития в областях умственной и художе-

ственно-промышленной деятельности». Поэтому они имели огромное влияние на соседние народы. Законы Моисея свидетельствуют о том, сколь многим обязаны им иудеи. Греки с благодарностью признавали египтян родоначальниками их цивилизаций. Духовное сродство непреодолимо влекло всякого, чей ум стремился к высшему познанию, с залитых солнцем полей Ионии и Аттики туда, в чудесную страну иероглифов и пирамид. Мусей, мифический поэт, Орфей, легендарный родоначальник элевсинских мистерий, были, по преданию, учениками египетских мудрецов. Вероятно, на основании собственных наблюдений автор «Илиады» и «Одиссеи» рассказывает о «прекрасноводном, происходящем от Зевса» Ниле, о чудесных полях и городах той страны и влагает в уста своего героя, Ахилла, похвалы величественным Фивам, которые еще и в настоящее время своими колоссальными развалинами приковывают к себе изумленный взор путешественника: «Град, где богатства без сметы в обителях граждан хранятся...»

Законодатели Ликург и Солон, философы Фалес, Пифагор, Платон и Демокрит, математик Архимед учились у мудрых жрецов и книжников долины Нила. Историки Геродот и Диодор объездили эту таинственную страну и в своих сочинениях оставили интересные сведения о ней. И другие греческие и римские авторы описывали эту страну. Так, Плутарх подробно рассказывает о египетской религии.

Религия и культ

«Самым древним достоянием народов, наряду с языком, является религия». В стране, в которой, как нигде более на земном шаре, регулярность явлений природы сказывается в такой определенной, характерной форме, в стране, где вся жизнь обуславливается исключительно своеобразными свойствами природы, древние египтяне принуждены были, уже в самую раннюю эпоху, согласовать с природой свою духовную жизнь и от примитивных форм культа вскоре перейти к строго определенным формам религиозной мысли и чувства. Между тем, при полном отсутствии каких-либо достоверных преданий, совершенно невозможно определить тот поворотный пункт, на котором свершился этот духовный перелом, или выяснить, как именно он произошел. Даже самые древние источники и памятники говорят о религии, которая носит на себе характерный отпечаток жреческого мышления. Исходя из космического представления о бо-жестве, она является значительным по своим размерам продуктом созерцательной деятельности, древнейшей деятельности этого рода, до которой поднялось человечество.

Поклонение солнцу было самым ранним зародышем и главным содержанием египетской религии – настоящим национальным культом Египта.

Самым древним наименованием бога солнца было Ра.

Солнце представлялось египтянам непрерывно создающей и сохраняющей силой, видимым воплощением всех высших божеств. Этот Ра был отцом и царем богов, «властителем обоих миров»; он восседал на солнечном диске и переплывал на своем челне обширные небесные пространства. Его милостью властители Египта получали свою власть и свой сан, они называли себя «сыновьями Ра». К нему отправлялись невинные чистые души умерших, чтобы на лучезарных полях приобщиться вечной жизни.

Ра особенно почитался в Мемфисе и Оне или Гелиополе (Город солнца). Здесь находился его древний храм, пользовавшийся мировой известностью. Сюда через каждые 500 лет прилетала с Востока чудесная птица феникс, которая сжигала себя на костре благоухающего фимиама, но тотчас же выходила из пепла обновленной и возвращалась снова на родину. Этот миф, который, как символ вечного обновления, перешел затем и в христианские предания и служил эмблемой Византийской империи, представляет собой, вероятно, символическое изображение круговращения Солнца в определенные, неизменно повторяющиеся промежутки времени.

Наряду с Ра и Осирисом наибольшим почетом в Мемфисе пользовался местный бог Пта. Как Отец света, он был Духом истины, как Бог небесного света – Властителем небес. Он был самым древним богом, сотворившим землю из Хаоса. Рядом с его святилищем, в великолепной зале происхо-

дило поклонение быку Апису, которого считали священной эмблемой животной силы солнца. После его смерти весь народ носил траур, пока жрецы не находили нового. Апис должен был быть черного цвета с белыми пятнами на лбу, с волосами двух цветов в хвосте и с наростом под языком. Смотри по тому, как он вел себя, когда входили в его священные покои, делались предсказания будущего.

Не менее Пта почиталась богиня Баст, «любящая Пта властительница Мемфиса». В Бубастисе находилось ее святилище, по словам Геродота самое красивое во всем Египте. Ее светлый, радостный культ привлекал ежегодно густые толпы народа.

Но настоящим национальным божеством египтян был бог солнца Осирис со своей супругой и сестрой Исидой и сыном Гором. Осирис, бог изобилия и властитель жизни, благодетель, дарящий счастье стране, был побежден и убит своим завистливым братом Тифоном (персонаж греческой мифологии Тифон отождествлялся с египетским Сетом), всемогущим разрушителем и опустошителем, и его 72 союзниками. Труп был заколочен в ящик и затем брошен в Нил, который унес ящик в море. Опечаленная и неутешно плачущая Исида искала тело своего несчастного супруга. Наконец она нашла его останки на отдаленном финикийском берегу и вернулась с ними в Египет, где Осирису устроили торжественное погребение. В Тисе, древней столице Египта, находилась его священная могила, окруженная вечнозелеными тамариска-

ми. Ее показывали там еще и в поздние годы, и богатые благочестивые египтяне стремились быть погребенными недалеко от нее.

Когда Гор вырос, Осирис, который со времени своей гибели был властителем в царстве смерти, явился к нему и убеждал его отомстить за отца и мать. Преданный сын немедленно отправился на бой с коварным Тифоном и убил его после жестокой борьбы. Затем Гор вступил на трон своего отца и был последним божественным властителем в Египте.

В то время как культ Исиды и Осириса был распространен по всей долине Нила, поклонение солнцу и силам природы господствовало главным образом в нижней части страны. Верхний же Египет имел свой собственный мир богов, с другими именами и с другими формами культа. Дающий жизнь свет солнца и созидаящая сила природы лежали и здесь в основе религиозных представлений. Но древнейшие боги: Хнум, творец мира, и Монту и Тум, которые олицетворяли восходящее и заходящее солнце, были постепенно отодвинуты на задний план Амоном, местным богом Фив. Это произошло в ту эпоху, когда Фивы сделались блестящей столицей всей страны, и такое первенствующее положение города перешло, благодаря большому влиянию жрецов и царей, к их богу-покровителю. С течением времени на него были перенесены и понятия, связанные с другими богами, тогда Амон занял первое место в религии и культе Египта и, под названием Амона-Ра, стал превыше всех сверкающим богом

солнца – «царем богов». С этого времени фараоны особенно охотно приносили ему богатые жертвы и оказывали глубокое почтение. К его трону они приносили в знак преданности военную добычу и привозили пленников, ему воздвигали они в Фивах вызывавшие восхищение роскошные храмы и святилища, в богато разукрашенных залах которых раздавались хвалебные песнопения и толпы верующих устраивали в честь его торжественные процессии и блестящие празднества.

Кроме этих божеств, народная религия чтила еще множество местных богов. Но все это большей частью лишь развитие тех же идей и разветвление той же глубокомысленной религиозной концепции. Такова, например, богиня Нут, «властительница тьмы», супруга Геба, бога благодатных разливов и роскошной природы, которого греки почитали под именем Пана.

Вся история египетских богов представляет собой «игру теней в полусвете». Нигде мы не видели жизнерадостных, деятельных фигур; нигде мы не находим и следа той пестрой, причудливой, богатой яркими красками фантазмагии, в которой движутся мифологические образы индийских или греческих богов.

Причины, вследствие которых такой талантливый, рано развившийся, одаренный творческими способностями народ, как египтяне, не был в состоянии воплотить своих богов в действительно пластические образы, дальше развить

и сблизить с жизнью традиционную религиозную идею, лежат как в природе самого народа, так и в характере его жрецов. У египтян не было поэзии, полной свежих жизнерадостных образов, полной драматических характеров; они знали лишь религиозные формы и образы, освященные преданием, лишь увеселительные празднества и символические действия, внутренний смысл которых оставался для них скрытым.

Неудивительно поэтому, что их богослужение, которое с развитием культуры обогащалось все новыми и новыми обрядами, становилось все сложнее и торжественнее и в конце концов выродилось в чисто внешнюю обрядность, состоявшую из мистических молитвенных формул, богатых жертвоприношений и ритуальных очищений, из добросовестного воздержания от некоторых яств, из педантичного исполнения предписанных постов и мрачных церемоний при погребении мертвых. За механическим выполнением этих мелких и формальных религиозных обязанностей забылось внутреннее содержание религии, непосредственное, духовное общение с божеством и вместе с тем исчезла чуткость к более абстрактному пониманию унаследованных религиозных учений.

Тем ревностнее жрецкое сословие посвятило себя этой благодарной задаче. Следуя своей склонности к умозрениям, жрецы преобразовали космические понятия, лежащие в основе образов всех богов, в символику природы и в космого-

нические системы, истинное и многочисленное содержание которых они облекли в неясные таинственные учения.

Их задача облегчалась тем, что в религиозной истории Египта очень рано появилась символика животных. Происхождение же этой в высшей степени своеобразной формы культа вряд ли возможно выяснить. Известно лишь, что египтяне очень часто изображали богов с головами посвященных этим богам животных, соединяя в своем представлении образ божества с живой, характерной фигурой животного.

Возможно также и то, что в своем сосредоточенном настроении обитатели долины Нила думали найти в простой, вечно однообразной, инстинктивной животной жизни тот неизменный порядок, тот таинственный, непостижимый закон природы, которому они, в сущности, и поклонялись в своих богах.

Самым священным из избранных животных был, как мы видели, Апис, посвященный богам, творящим жизнь. Наряду с ним возвеличивали ястреба, который был посвящен всем богам, связанным с культом солнца, в то время как некоторые змеи посвящались Осирису и Хнуму, кошка – богине рождения Баст, а баран – Амону.

Постепенно культ животных принял грубоматериальный характер, в особенности с тех пор, как жрецы превратили образы богов в лишенные всякого конкретного содержания понятия, и таким образом между священным тайным уче-

нием и народной религией легла глубокая пропасть, которая сделала абсолютно невозможным примирение между этими «враждебными племенами». Теперь на животное стали смотреть как на существо, посвященное самому божеству, оказывали ястребу или кошке благочестивое поклонение. И чем торжественнее и распространеннее был культ божества, тем большим религиозным значением и тем большим почетом пользовалось посвященное им животное, – религиозное заблуждение, которое не встречается более нигде во всей истории.

Подобно священным животным человек, по представлению египтян, был известным проявлением божественной природы, но в совершенно ином смысле. Он не воплощал в себе отдельного божества или его свойства, но, словно божество, считался бессмертным. По мрачным представлениям народа, которые он, впрочем, разделял с большинством восточных народов, настоящая, истинная жизнь начиналась лишь в страшном мраке могилы. Только путем телесной смерти человек достигал полноты божественного существования.

Отсюда для египтян вытекало наивно-благочестивое учение, что тело, как воплощение личного начала, следует сохранять даже тогда, когда из него ушла жизнь и душа, что его нужно бальзамировать, чтобы предохранить от тления, и что от всяких внешних влияний или от посягательства че-

ловеческой руки его нужно заботливо хранить в холодных, недоступных разрушению, священных гробницах. Как человеческое тело, так и тела священных животных должны быть избавлены от их естественной участи, ибо от их сохранности зависело действительное существование души. Отсюда этот неподвижный культ смерти, превративший всю долину Нила в один грандиозный склеп. Отсюда опасение за судьбу души после свершенного ею жизненного пути и непрестанная забота о ней.

В непрерывной, напряженной борьбе незамысловатого человеческого искусства с железной необходимостью законов природы, в упорном стремлении спасти жизнь человека от неизбежной гибели обнаруживается известная смелость мысли, трогательная верность усопшим. В этом египетском воззрении можно признать даже как бы смутное предвидение, неясное предчувствие христианского таинства воскресения из мертвых; можно даже легко поддаться, конечно, ложному мнению, что «таинственная, магнетическая связь между освобожденной душой и этой мумией земного трупа не вполне исчезла, что, быть может, она снова будет восстановлена, что и это земное тело будет причастно бессмертию и когда-нибудь снова оживет и воскреснет». Но судьба самих мумий, которые, вследствие современной жажды знаний и алчной жадности теперешних обитателей долины Нила, вырваны из объятий тысячелетнего сна и отчасти совершенно уничтожены, доказывает, что земные предметы не могут су-

уществовать вечно, что все они в конце концов должны отдать дань природе. Только дух, идея истины, добра и красоты, только нравственные деяния бессмертны.

Судьба души после смерти, согласно учению жрецов, находилась в зависимости от земной жизни. Как только тело вносится в склеп, душа, вместе с заходящим на западе солнцем, вступает в Аменф, мрачное царство теней, и судьи над мертвыми, среди которых на возвышенном троне восседает Осирис, сообщают ей свой приговор.

Душа того, чья жизнь отличалась благочестием и доброй нравственностью, попадает в царство блаженных – место-пребывания высших богов. Здесь она наслаждается жизнью, полной райской невинности и блаженства. Иногда же она возвращается обратно на землю и соединяется с телом человека или животного. Напротив того, душа, отягченная преступлениями, попадает в ужасный ад, охраняемый страшными демонами. Осужденная душа, которая пребывает в человеческом образе, подвергается здесь ужасающим пыткам, ее то разрывают на части, то кипятят в котле, то вешают. Как видно, в измышлении всяких ужасов человеческий ум всегда отличался плодovitостью, – в египетской древности, так же как и в эпоху великого Данте, средневеково-христианская поэма которого об аде и чистилище не имеет права претендовать на оригинальность. Мысль о вечном наказании в аду в высшей степени тягостна, она пробуждает и поддерживает трепетное чувство страха и благодаря этому откры-

вает безграничную область для воздействия жреческого сословия на мирян. Но она все же не так ужасна, как прямо отталкивающая идея: блуждать в течение бесконечных периодов времени, переходить бесчисленное множество раз из тела в тело, каждый раз вновь стариться, умирать и снова воскресать. Догму о странствованиях души, самую страшную, какую только измыслили жрецы относительно посмертной жизни души, египтяне разделяли с другими народами. Но она не достигла у них такой определенности, не была так детально разработана, и в развитии ее нет такого безграничного педантизма, как, например, у друидов и браминов.

Тайный союз и тайное учение жрецов в стране Нила

Мы видели, какое влияние оказывали физические условия Египта на развитие общественного строя его населения, на всю его жизнь и деятельность, и, как следствие этого, уже в раннюю эпоху произошло разделение людей по занятиям и сословиям. Вошедшие в привычку старинные обычаи, тщательно охраняемые предания и упрямая приверженность старине вскоре создали строго замкнутые классы.

Самый высший и самый влиятельный класс составляли жрецы. Они не только заботились о религиозных нуждах и отправляли богослужение, приносили жертвы, совершали религиозные обряды, устраивали празднества в честь богов,

но, как самый развитый и образованный класс народа, занимались также науками и искусствами и отправляли правосудие (по сообщению Диодора, верховный суд составляли 30 жрецов). Им обязан был Египет формулировкой своих религиозных представлений и развитием своего культа, своих нравственных воззрений, своей письменности.

Жрецы изучали принципы и практическое применение врачебной науки, – египетские врачи пользовались в древности большой известностью.

В четвертой песни «Одиссеи» говорится: «...Где (то есть в Египте. – *Ред.*) и каждый врач превосходит опытом всех смертных; потому что, поистине, они из рода Пэона».

Сумму познаний египетских жрецов не следует оценивать слишком низко. Раннее изобретение и систематизация священного эмблематического письма, из которого последующие поколения сделали такое широкое применение, какое едва ли предвидели его изобретатели, дало возможность, несмотря на всю его неуклюжесть, постепенно накапливать и приумножать богатое сокровище первых продуктов напряженной умственной работы, тяжелого опыта и глубоких наблюдений, увековечивать для потомства все выдающиеся события жизни, все приобретенные познания. Мы знаем из достоверных источников, что жрецы-ученые обладали большим количеством рукописной священной литературы. В 42 книгах были собраны все догматы, формы культа, все нравственное учение, правила священного письма, законы граж-

данского права, вообще вся исходящая от них мудрость.

Жрецы были средоточием, душой всей общественной жизни, они установили непреложные законы для временной и вечной жизни народа. Если в стране Нила и не существовало жреческого сословия в настоящем смысле этого слова, тем не менее жрецы обладали несомненной властью и могуществом. И богобоязненный народ добровольно подчинялся сословию, которое могло доставить ему высшую милость богов, вечное блаженство души, и совершенно бескорыстно признавал за ним высокое положение, ту власть и тот почет, какими пользовались жрецы. Даже фараоны были склонны почтительно обходиться с достойными служителями религии, хотя религиозные дела и сами жрецы подлежали их верховному руководству. В этом заключается признание некоторого рода независимости «церкви» от царской власти, чего в Средние века с таким изумительным успехом добились папы.

Жрецы были разделены на многочисленные классы и корпорации. Каждое святилище имело своего верховного жреца. При жертвенниках и оракулах состояли подчиненные им профессиональные прорицатели, при каждом храме имелся писец, которому поручался надзор за постройкой храмов и контроль над размежеванием земель; астролог прилежно наблюдал небо и звезды и составлял календарь, низший служитель делал разнообразные приготовления для священных жертвоприношений, следил за добросовестным вы-

полнением предписанного ритуала, за подобающим украшением изображений богов, руководил роскошными и многочисленными религиозными празднествами, во время которых египтянин выходил из своего обычного серьезного настроения и предавался веселью, весьма нередко переходящему в необузданные сатурналии. Наконец, нужно еще упомянуть о превосходно обученном хоре священных певцов, которые гармоническим пением сопровождали действия жрецов во время богослужения.

Весьма важное значение имели должности пророка или прорицателя и астролога. При исполнении своих мистических обязанностей первые умели по мере надобности приводить в движение всю махинацию клерикальных ухищрений и обманов и, по-видимому, превосходно себя при этом чувствовали. Последние же, вследствие естественных условий страны, были вынуждены усердно наблюдать небо, ибо «по расположению звезд на нем они определяли приближение разлива, время высшего подъема воды и ее падения». Наблюдая влияние звезд на подъем и падение воды, увеличение и уменьшение жары, а следовательно, и на всю страну, они неизбежно должны были приписать движению небесных светил такое же влияние на жизнь и благосостояние людей, на их счастье и несчастье, – представление, которое, в свою очередь, должно было побуждать к точному и усердному наблюдению неба. Насколько серьезны были астрономические познания египтян, доказывает уже в раннюю эпоху установ-

ленная ими продолжительность солнечного года в 360, а затем в 365 дней. Но все же таких важных и обширных познаний, какие прославили имя халдеев, они не достигли.

Наблюдая звездное небо, жрецы интересовались главным образом астрологией. Каждый месяц, каждый день, даже каждый час, по их представлению, был под особым попечением могущественного бога-хранителя. На основании этого особого значения каждого дня и каждого часа астрологи умели предсказывать изменчивые судьбы, умели предпринимать исход всякого предприятия. Искусство предсказаний, вся техника оракулов были разработаны до тонкостей. Стоит вспомнить лишь о фокусничестве египетских кудесников, то есть жрецов. В связи с этим стояли порожденные суеверием магия и волшебство, благодаря которым Египет уже в древности и вплоть до Новейших времен славился как великая страна чудес. Ведь все эти великие обманщики и мошенники XVIII века претендовали на то, что своим магическим чарам они научились в Египте.

За высшими сословиями следовали низшие. Сюда относились носители священных предметов, которые во время торжественных процессий носили художественные изображения богов и занимались практическим врачеванием. К ним примыкали многочисленные бальзамировщики, сторожа при священных животных, храмовые служители.

Для выполнения разнообразных обязанностей жрецам

приходилось приобретать весьма сложные познания. И так как их могущество опиралось главным образом на чувство благоговения, внушаемое ими народу, на слепую народную веру в их святость, то именно для того, чтобы поддержать это мнение, жрецам приходилось подвергать себя некоторым лишениям, отказывать себе в некоторых жизненных наслаждениях. Им приходилось вести более святую, чистую жизнь, чем остальному народу. Они создавали для себя строгие законы относительно соблюдения чистоты, относительно еды и религиозных обрядов, соблюдали многочисленные посты и время от времени подвергали себя истязаниям; они имели право ввести в свой дом лишь одну жену, в то время как мирянину, наряду с первой женой, разрешалось иметь еще нескольких.

Вблизи обиталищ богов, вокруг главного храма каждой местности жило общество жрецов под главенством верховного жреца; совместная жизнь этого общества носила, надо думать, монастырский характер. Верховный жрец следил за точным выполнением форм культа, жертвоприношений, религиозных преданий и ритуала, развивал их и передавал преемникам. Должность жреца была наследственной. Способные и прилежные сыновья воспитывались в жреческих школах для будущей их роли носителей и учителей унаследованной премудрости, и вполне естественным является стремление жрецов увековечивать в своих семьях приобретения долгой, многотрудной жизни.

В то время как народная религия все более и более вырождалась в мрачное суеверие и внешнюю обрядность, в то время как колдовство и вера в злых духов, поклонение священным животным, пышные празднества и процессии, установленные молитвенные обряды, торжественные жертвоприношения и выполнение предписанного ритуала поглощали всю духовную жизнь набожного народа, – в это время жреческое сословие собирало в одно целое разрозненные элементы религиозных верований страны. Соединяя родственное, толкуя по-своему все неясное и неопределенное, оно создало мало-помалу религиозное учение, которое во всех своих деталях держалось в строгой тайне и передавалось лишь посвященному.

Этой таинственности содействовали, должно быть, и величественные храмы. Через обширные дворы, прохладные портики, великолепные залы богомольцы проходили в святая святых, в священный дом бога, через порог которого мог переступить лишь царь или верховный жрец. Так, путем сильных впечатлений, старались воздействовать на легко воспламенявшееся воображение, вызывать и поддерживать в наивном уме того, кто в почтительном молчании шествовал к уединенному, священному обиталищу божества, самое серьезное отношение к торжественной, благоговейной процессии. «Все это в общем носило отпечаток торжественной сосредоточенности трепетного предвкушения, жреческой тайны. Подготавливая настроение, возбуждая ожидания и почти-

тельное изумление, с искусно рассчитанной постепенностью входили в мистический полумрак внутреннего святилища храма».

Всякое тайное учение предполагает существование какого-нибудь тайного общества. Это относилось также и к египетским жрецам. У них, бесспорно, существовал тайный союз, об организации и формах которого, к сожалению, имеются лишь скудные известия. Все наши сведения по этому вопросу мы черпаем лишь из случайных замечаний тех греческих писателей, о которых мы упоминали выше. Они были посвящены в тайну учения, но им было предписано полное молчание по этому вопросу. Из их намеков можно заключить, что посвящение совершалось постепенно, подобно тому как жречество разделялось на различные разряды и классы. Домогавшийся посвящения должен был подвергнуться сложной церемонии: многозначительными символами непрестанно вызывали его на размышление, пока наконец он не достигал последней, высшей ступени премудрости.

Относительно сущности и содержания учения египтян мы также осведомлены весьма плохо. Таинственное содержание мистерий сводилось, вероятно, к религиозным и философским доктринам.

Жрецы, по-видимому, стремились прежде всего объединить отдельных местных богов, которые, как известно, символизировали различные силы природы, и привести их в определенную систему. К этому, как кажется, присоеди-

лась затем вторая задача – определить космические или физические причины этих сил природы, понять общие законы жизни и наконец найти полное единство божественных духов, свести многочисленные образы богов к проявлениям одной божественной сущности.

Мы не ошибемся, если примем, что вся умозрительная работа египетских теологов склонялась к представлению единого бога, – догмат, который в своем роде не менее грандиозен, чем мысль о вечности гигантского сооружения – пирамиды. На это, без сомнения, намекает также и Плутарх в своем религиозно-философском сочинении «О Исиде и Осирисе», когда по поводу египетской теологии и ее мистических учений он рассказывает: только одно разумное существо руководит и управляет миром. Но кто желает получить ясное представление об этих вещах, как и вообще о египетских мистериях, тот должен предварительно посвятить себя изучению философии и сделать ее своей спутницей и наставницей. Притом в эпоху высшего расцвета Фив, в пору наибольшего национального могущества и наивысшего блеска жречества «для все знающих было несомненно, что бог солнца был единственным истинным богом, который сам себя создал и которому в действительности одному только и поклонялись под видом всех бесчисленных божеств».

Ясно, что перед законченным представлением о единомличном творце рушилось все искусственное здание мифологии. Поэтому, согласно достоверным, но неполным сооб-

щениям Геродота и Плутарха, перед посвящаемыми в тайны египетских мистерий вскрывалась обманчивая оболочка мифов и рационалистически разъяснялись космологические элементы, которые скрывались в пестром ряде народной религии.

Глава 2. Вавилония и Ассирия

Страна и люди по Евфрату и Тигру

С высоких гор Армении воды двух мощных рек, Евфрата и Тигра, низвергаются в необозримую низменность, простирающуюся к югу; они окружают знаменитое Междуречье (Месопотамию), образуют плодородные долины, изобилующие цветами и роскошной растительностью самой разнообразной и яркой окраски и наконец, слив свои воды, устремляются к Персидскому заливу.

Эта низменность, чрезвычайное плодородие которой древние писатели, Геродот и Ксенофонт, описывают в самых ярких красках, которая прославилась как арена кровавых битв, как родина юношески свежих народов, как владение древнейших царских родов, – называется страной Синей, старым садом Бога, а также Халдеей и Вавилонией. Ее природа напоминает природу Египта. Тигр и Евфрат даруют жизнь и плодородие стране.

Глубокий слой тяжелого ила в этом мягком климате ежегодно давал от двух до трех богатых жатв и создавал роскошную страну, украшенную стройными пальмовыми и тенистыми кипарисовыми лесами и цветущими рощами фруктовых деревьев. Здесь уже в первые века 2-го тысячелетия до Р. Х. богато одаренное население достигло многосторонней, блестящей культуры, которая смело могла сравниться с культурой Египта, и развился такой прочный государственный строй, что пронесившиеся над ним бури жестокой, кровавой эпохи едва ли оставили в этой местности какие-либо существенные следы.

Менее плодородная, но обладающая более здоровым климатом, чем Вавилония, простирается от восточного берега Тигра до отрогов горного хребта, окаймляющего с запада Иранское плоскогорье, горная страна Ассирия.

Эта местность была первоначальной родиной Авраама. Отсюда он спустился в густо заросшие травой луга Месопотамии, по которой кочует невзыскательное пастушеское племя. Здесь находилась также – на восточном берегу Тигра – Ниневия, огромный торговый город Ассирийского царства, в котором объединялись все элементы тогдашней народной жизни, – второй город чудес в прославленном легендами Междуречье, о котором пророк Иона говорил, что оно простирается на три дня пути и населено более чем двенадцатью мириадами жителей; несчетные богатства этой страны восхвалял пророк Наум, а Зефания с укором восклицал:

«Это город веселья, живущий беззаботной жизнью и говорящий в своем сердце: «Я, и только я один!» Этим описаниям в известной мере можно поверить, если принять во внимание характер городов Востока. Они имели цветущие сады и обширные пастбища для рогатого скота и лошадиных табунов, даже в случае осады у них оставалось все еще довольно земли, плодородной земли, чтобы собрать достаточное количество хлеба для прокормления жителей.

Ниневия была резиденцией великих легендарных властителей, Нина и Семирамиды. Первый был, по-видимому, лишь олицетворением столицы, последняя же, с ее ужасным характером Мессалины и натурой вампира, ни в коем случае не могла быть чисто символической фигурой. Яркий, полный жизни образ ее жил в продолжение целых тысячелетий в памяти народов Востока. При этом поэтическая сага постепенно «превращала ее в идеальный образ, в котором слились воедино все наиболее ценимые восточными народами черты: женская красота и мужская энергия, неотразимая прелесть и мужественная воинственность».

Древнейшие воспоминания человеческого рода и поэтические саги сообщают, что бассейн Тигра и Евфрата после Великого потопа был первым обиталищем способных к цивилизации народов семитского племени. Но достоверные сведения об этом находятся – кроме еврейского предания о построении Вавилонской башни – лишь в составленных по записям жрецов исторических книгах Бероза, жреца бо-

га Ваала при Вавилонском храме, современника египетского историографа Манефона. Хотя от этого сочинения до нас дошли лишь немногие отрывки, мы все же получаем приблизительное представление о постепенном возникновении общественного строя и культуры среди народа и о развитии космогонической системы, созданной вавилонскими жрецами. Древнее сказание о потопе ведет свое происхождение из Месопотамии. О Великом потопе рассказывается и у Бероза, и в таблицах, найденных под развалинами Ниневии, наиболее яркие черты сохранило библейское сказание. Все значение предания о потопе заключается в том, что оно указывает на общую родину семитских племен в стране Тигра и Евфрата. Подобные же предания о потопе имеются во всех странах, которые подвергаются постоянным наводнениям: в Индии, Фессалии, Беотии.

С тех пор как удалось разобрать ассирийско-вавилонские клинообразные письма – образное письмо с 400 иероглифическими знаками, – наука узнала, что самым древним культурным народом Вавилонской низменности были шумеры.

Их поселения, относящиеся к доисторическим временам, нужно искать на нижнем Евфрате. Здесь выросли гордые твердыни жрецов – Риту, Ур, Арку и др. И из непроницаемого мрака бесчисленных веков до нас дошли довольно точные известия об исторической личности одного царя – жреца Ликбагаса из Ура, который воздвигал великолепные хра-

мы в честь небесного светила, бога Син.

Его последователи, как кажется, в течение долгого времени спокойно жили под покровом иерархического строя, пока наконец около 2280 г. до Р. Х. внезапный набег эламитов не нарушил спокойного приволья их жизни. Враги явились с юго-востока, завоевали Месопотамию, подчинили себе Сирию и Палестину и заимствовали у древней вавилонской культуры первые зачатки цивилизации, которые потом самостоятельно развили. Город Синеара, расположенный на Евфрате, сделался главным центром халдейской культуры. Отсюда вышла династия семитских царей, родоначальником которой считался прославленный преданием героический царь Саргон. Усердный последователь и почитатель шумерской мудрости, он велел перевести религиозные песни и гимны туземного населения, его магические и астрологические таблицы на семитское наречие и сохранить их в большой библиотеке в Арку.

Последний поворотный пункт в древней истории Вавилонии наступил под влиянием набега воинственных горных племен Элама. После целого ряда жестоких битв они подчинили себе Северную и Южную Халдею. Их прославленный преданием князь Хамураби устроил свою дивную сказочную резиденцию в священном центре страны, Вавилоне. С этого времени Синеара отошла на задний план и Вавилон стал блестящим центром Междуречья.

Победители вскоре переняли язык и культуру побежден-

ных. Позднейшие века заполнены жестокой борьбой с мощно стремившимся вперед, высокоодаренным соседним народом — ассирийцами, «первой победоносной силой, которую мы встречаем во всемирной истории». Война окончилась полным поражением состарившегося Вавилона.

Под владычеством халдейских царей страна рек достигла высокого расцвета внутренней культуры и внешнего благосостояния. Сам же город Вавилон вызывал всеобщее изумление древних народов своим миллионным населением, своими гигантскими стенами, своим великолепным замком царей, снабженным всеми утонченными приспособлениями расслабляющей роскоши и изнурительного сладострастия, своим грандиозным пирамидальным храмом бога Ваала, состоявшим из восьми постепенно сужавшихся этажей, которые достигали высоты 600 футов. Храм Ваала причислялся к семи чудесам мира и являлся той самой Вавилонской башней, которая, по еврейскому преданию, должна была подняться до самого неба и прославить народ Синеары, но возбудила ревность Иеговы и таким образом оказалась причиной разделения и смешения языков. Как в Священном предании о потопе, так и в еврейских преданиях как будто прорывается смутное воспоминание о прежнем родстве и о последующем отделении еврейского народа от халдейских соплеменников.

Роскошное плодородие страны, благоприятное географическое положение у двух больших рек, являвшихся самым

удобным путем между Восточной и Западной Азией, побуждали жителей к предприимчивости и оживленной деятельности и создавали культурному народу благоприятные условия для успешного развития промышленности, искусные произведения которой находили себе громадный сбыт на всем земном шаре. Особенно высоко ценились отлично выделявавшиеся вавилонянами тонкие ткани, великолепные одежды и дорогие ковры с вытканными на них изображениями всевозможных чудесных животных. «Красные плащи из Синеры» были известны в Ханаане еще в эпоху Иисуса Навина. Не менее славилось также искусство вавилонских ювелиров в шлифовке и обделке драгоценных камней, а также химические познания туземных промышленников, приготовлявших ароматные масла и душистые воды. Чрезвычайно оживленные торговые сношения, производившиеся сухим и водным путем с самой Индией и Цейлоном, с Малой Азией и Сирией, с Аравией и Египтом, доставляли необходимые сырые материалы и обеспечивали выгодный сбыт продуктов туземной промышленности и искусства.

Коммерческая деятельность особенно сильно развилась благодаря введению монеты и определенной системы мер веса – изобретения, которые, как и вообще весь поток вавилонской культуры, перешли с небольшими изменениями, отчасти морским путем при содействии финикийян, отчасти сухопутным – к грекам и римлянам и оттуда, позже, в романо-германскую культуру. Вавилон, бесспорно, вложил наи-

большее число камней в то грандиозное здание, которое мы называем цивилизацией.

Торговля, земледелие и промышленность засыпали вавилонян баснословными богатствами. А это, в свою очередь, способствовало не только развитию роскоши и безграничной жажды наслаждений, но также и распространению всеобщей образованности и художественного вкуса, который проявился в особенности в постройке общественных зданий и в обстановке частных домов.

Религия вавилонян и ассирийцев

Религия вавилонян в ее основных чертах сходна с религиями всех первобытных народов. Основной принцип первобытной религии составляет абсолютная зависимость человека от природы, громадной власти которой он еще не может противопоставить достаточной нравственной силы, достаточной умственной свободы. Природе он подчиняется вследствие этого как непреодолимой необходимости. И вавилонская религия также заключалась в безусловном, безграничном преклонении перед таинственным, вечным законом естественной необходимости. Это религиозное преклонение привело к страшному унижению и понижению духовного уровня человека, к ужасающему обесцениванию всей жизни, но все же не к тому сладострастию и зверской жестокости, отвратительный пример которых дают другие

семитские формы цивилизации, как, например, цивилизация финикиян.

Природа заключала в себе, по представлению вавилонян, два основных начала – мужское и женское. Первое проявлялось в солнце, огне, звездах, второе же, напротив, олицетворялось во влажном, плодоносном элементе – воде и земле. В спокойной прелести и красоте растительной жизни природы видели проявление силы и творчества богинь.

Верховным божеством неба признавался Ану, «Перворожденный среди богов, отец богов, властелин тьмы». Его царством было безграничное, неподвижное звездное небо. Бел (Ваал) почитался как творец небесного мира, а Ео олицетворял творческую силу божества. Их женами были Нана, Белита и Дав-Кина, «матери богов, жены великих богов, царицы земли плодородия».

Белита, или Милита, как называет ее Геродот, была богиня Вавилона. Как богиня луны, она освещала ночное небо своим кротким светом. Ей были посвящены рыбы, как чрезвычайно плодовитые животные, и нежные голуби – символы плодовитости и любовной страсти. На ее алтарь приносились лишь бескровные жертвы. В дни ее празднеств жены и дочери вавилонян длинными рядами располагались в роще у храма, чтобы в честь богини отдаться раз в жизни чужому человеку, иноземцу. Этот обычай, по нашим воззрениям в высшей степени предосудительный и безнравственный, основывался, как было указано выше, на том именно

господствовавшим во всех семитических религиях представлении, что в жертву божеству следует не задумываясь приносить все самое дорогое и самое ценное. «Мы видим здесь, следовательно, что сила фанатической религии сломала железные оковы, в которые суровые азиатские нравы неумолимо замыкали женщин. Вместе с тем мы видим в этом весьма необычное, в особенности для той страны, проявление благосклонности к чужестранцам».

Из представления о боге солнца Беле развилась весьма сложная система поклонения звездам. Определенные небесные явления приписывались отдельным божествам, и, что особенно удивительно, луне отдавалось преимущество перед солнцем.

Сын Бела, Син, почитался как бог луны, охраняющий и согревающий землю. Его сыном признавался бог солнца Сама, а Бин, или Раман, почитался как бог атмосферы и ее явлений: дождя, грома, молнии.

Наряду с небесной троицей стояли пять богов планет: Адад, то есть всевышний (Сатурн), Мардук (Юпитер), Нергал (Марс), Иштар (Венера) и Небо (Меркурий). Иштар имела таинственного мужа, Думузи. Его преждевременная смерть заставила богиню отправиться в подземный мир, в страну, откуда нет возврата.

Боги планет, вместе с обоими триадами и Белитой, составляли систему двенадцати богов – «высший ранг в иерархии халдейских богов». Наряду с этими высшими богами, из ко-

торых каждый, кроме своей жены, имел еще и многих возлюбленных, стояло еще безличное множество второстепенных местных богов.

Вавилонский пантеон повторяется в Ассирии. И здесь поклонение звездному небу является основной формой культа. Но главным богом считался Асур, национальный бог – покровитель народа. Его защите подлежал главным образом царь, отправляющийся на войну. Легендарные победы Асура в битвах со львами и другими дикими зверями символизировали всепобеждающую силу нации. Гигантские статуи крылатых, с головами бородатых мужчин сурового вида, львов и быков, которые в качестве гениев-хранителей красовались при входах во дворцы ассирийских царей, являются первыми скульптурными изображениями ассирийского национального божества. Такое художественно выполненное изображение свидетельствует о высоком развитии техники.

Изыскания, искусно сформулированные религиозные построения Вавилонии и Ассирии, являются далеко не первоначальными формами религиозного мышления. Напротив, они были конечным выводом продолжительной работы жреческих школ в течение нескольких столетий, результатом всесторонней реформаторской деятельности жречества. И здесь, как и в Египте, халдейские жрецы сумели постепенно подставить свои абстрактные построения на место первоначальной народной религии и на таком перевороте основали свое широкое религиозное влияние.

Вавилонско-ассирийский жреческий орден и его тайное учение

Почти все наши сведения о вавилонском пантеоне почерпнуты из богатых материалов громадной библиотеки царя Ашшурбанипала, который приказал сделать множество списков с древних документов саргонской библиотеки. Остатки этой коллекции, приблизительно в 200 глиняных таблицах клинообразных надписей, сопоставлены так, что образовали одну большую священную книгу. Главное содержание ее составляют магия и астрология. Таблицы свидетельствуют о том, что самой древней шумерской религией страны было наивное почитание духов и основанные на обмане заклинания их.

Давнее учение о духах не имело ничего общего с позднейшей государственной религией, которую мы только что рассматривали. Долгое время обе системы существовали совместно, пока наконец около XX в. до Р. Х. не началось великое реформационное движение. Результатом его было то, что все шумерские жрецы вошли в многочисленную компанию вавилонского клира.

Эта корпорация образовала замкнутый, связанный строгими правилами союз, в котором жрецы-маги заняли самое последнее место. Жреческое достоинство, как и в Египте, было наследственным. Члены союза занимали особую часть

города и в специальных школах заботливо подготавливались к своему призванию. В эту же эпоху были образованы дошедшие от прежних времен заклинания духов и включены в священные книги. Они составили теперь особый священный кодекс, из которого преданные магии жреческие классы еще в продолжение целых столетий черпали свою мрачную и таинственную мудрость.

Религиозные представления, которые лежали в основе магии, логически вытекали из натуралистического мировоззрения и из обожествления сил природы. Так как невежественный обитатель земли все еще рассматривал природу как царство, населенное бесчисленными полчищами сownравных, постоянно враждующих между собой злых и добрых духов, так как под влиянием такой антропоморфизации он все еще считал своих богов подчиненными в качестве созданий природы законам ее, то в его ребяческом понимании религии легко могло укрепиться убеждение, что при помощи священных формул и слов, при помощи особого образа жизни и т. п. он сможет овладеть таинственными силами, которые сильнее самих богов, и что сумеет заставить их служить себе. Но чем ниже был общий умственный уровень, тем легче отдельным ловким личностям удавалось убеждать людей в своей сверхчеловеческой власти над богами и духами и в том, что избранные имеют силу предавать людей злым духам или, напротив, предохранять от враждебных нападений, которым всегда подвергается человек.

Тайны вавилонской магии заключались, судя по дошедшим до нас отрывкам, в трех книгах. Первая содержала в себе заговоры и заклинания, назначение которых заключалось в том, чтобы изгонять злых духов, отражать их враждебные выходки и предохранять беззащитных людей от нападений. Во втором томе были собраны заговоры против болезней.

Древнее шумерское верование в происхождение болезней от наваждений злых духов объясняет также и тот факт, который привлек внимание даже Геродота, а именно: Вавилония и Ассирия никогда не имели действительно сведущих ученых врачей. Врачебная наука находилась исключительно в руках кудесников и являлась одним из разветвлений их мрачного искусства. Само же лечение сводилось к страшным заклинаниям или же к применению волшебных напитков, к которым, вероятно, кое-где подмешивались и целебные, одним жрецам известные снадобья.

Наконец, третья книга заключала в себе целый цикл гимнов и покаянных псалмов, обращенных к отдельным богам; содержание их, отчасти совершенно непонятное для нас, должно было производить сверхъестественное, таинственное воздействие.

Формулы заклинания открывают нам целый мир злых духов, «иерархия которых установлена с большою ученостью и личности которых строго различаются». Прежде всего здесь перечислены те духи, на которых должны были воздействовать заклинания; говорится об их силе и их мужестве. Далее

следует молитва с правильно повторяющейся, таинственной заключительной формулой: «Дух неба, заклани их! Дух земли, заклани их!»

Точным и всесторонним знанием всех заклинаний обладали, само собой разумеется, одни лишь жрецы-маги. Это была особая таинственная наука, в которую посвящались воспитанники жрецов, изучавшие волшебство.

В волшебных формулах нередко упоминается также о так называемом талисмани. В одной из них говорится: «Талисман, талисман, предел, которого не снять, предел, которого не переступить богам, пограничный камень между небом и землей, которого не сдвинуть, глубины которого не измерил ни один бог, которого ни бог, ни человек не может постичь, запор, которого не отомкнуть, запор, который сохраняет от злых сил, которого избегаете вы все, злые духи...» Далее они названы по именам. «...Вы, злокозненные гении! Добрый бог, близкий духу земли! Призвание бога, сильного, сильного, сильного. Да будет так!» Одним из наиважнейших талисманов, которым пользовались хитрые жрецы, был волшебный жезл, первоисточник их могущества.

Как надежную защиту против злых духов и предохранительное средство от всех болезней на шею носили также амулеты, которые изготавливали из различных материалов.

Магия, проникшая из Вавилона, кроме Ассирии, также в Мидию и Персию и повсюду встретившая радушный прием, имела особый язык. Это был древний шумерский. И вера

в его всемогущее влияние на мир духов была так глубока, что чем менее он употреблялся как живое народное наречие, тем ярче становилось представление о его сверхъестественной силе. На шумерском языке всегда писались имена богов, из него были взяты также все известные жреческие титулы. Своим непонятным, одурманивающим набором слов жрецы производили на простодушный народ подкупающее впечатление и усыпляли внимание любопытного, который слишком настойчиво пытался проникнуть в их сокровенные тайны.

В то время, когда древняя магия шумеров присоединилась к жреческим наукам Вавилона, господствовавшую семитскую религию одушевляли уже совершенно иные, несравненно более глубокие идеи.

С верхнего этажа своего пирамидального храма целая коллегия жрецов наблюдала звездное небо, светящиеся пути планет, высокое или низкое положение некоторых неподвижных звезд. Вавилонские астрономы умели провести полуденную линию, определить положение солнца или время дня, высчитывали с приблизительной точностью солнечные и лунные затмения.

Но под могучим влиянием поклонения звездам эти многообещающие задатки скоро выродились в сомнительное искусство астрологии. В неизменно правильном движении небесных светил жрецы увидели действие вечного закона, у них зародилась мысль о неизбежной, естественной необхо-

димости. И так как опыт, казалось, убеждал в том, что расположение звезд имеет таинственное влияние на явления природы и судьбы людей, на их собственное земное существование, – ведь более или менее высокое положение солнца, луны или некоторых звезд имело своим следствием смену времен года, умирание и пробуждение к жизни растительности, ведь от восхода и заката светил зависели свежесть и вялость, сон и бодрствование всех живых существ, – жрецы пришли к убеждению, что можно в самом деле постичь законы отношений небесных тел ко всему происходящему на земле и таким образом найти ключ к пониманию будущего.

Светила в их различных положениях и фазах казались не только истинными руководителями всего безграничного мира, причиной, определяющей все земные события, все перемены в человеческой жизни, но также и провозвестниками будущего, достоверными предзнаменованиями. Поэтому, например, о луне говорилось: «Если луна видима в первый день месяца, то страна будет блаженствовать и сердце ее будет ликовать», «Если луна окружена двором, то царь одержит победу», «Если луна кажется особенно большой, то будет затмение», «Если, напротив того, она кажется очень маленькой, то жатва будет обильна». Каждая планета была посвящена какому-нибудь богу: каждому из них принадлежал также один день недели. Суббота, с которой у семитов начинается неделя, была посвящена Адару; второй день – богу солнца, третий – богу луны. Вторник принадлежал Нерга-

лю (Марсу), красноватый огненный блеск которого угрожал несчастьем. Среда принадлежала Небу, четверг – Мерадаху, а последний день недели был посвящен Иштар. Этой системе обязана своим происхождением семидневная неделя – одно из тех вавилонских изобретений, которые сделались неотъемлемым достоянием всех цивилизованных народов.

Путем точной записи всех, даже самых незначительных фактов, которые, казалось, обуславливали связь человеческих судеб с явлениями природы, считавшимися верными предзнаменованиями будущего, вавилонские и ассирийские астрологи, по-видимому, овладели самыми основными и безошибочными приемами для распознавания сокровенных тайн судьбы и вместе с тем создали строго разработанную науку – умение искусно предсказывать будущее. В связи с мрачными приемами чародейства этот дар прорицания дал жрецам такую огромную, ужасающую силу, всестороннее действие которой они стремились использовать самым невероятным образом. И на самом деле они господствовали над всей жизнью и деятельностью народа, они оказывали воздействие на все общественные начинания и с ужасным жестокосердием заковывали человеческий дух в стальные оковы рабского страха, суеверного ужаса, мучительной агонии.

Широкое, систематическое изучение всех небесных и теллурических явлений и предзнаменований привело жрецов и к толкованиям птичьего полета, к предсказаниям будущее-

го по внутренностям жертвенных животных, к разъяснению всех явлений природы и снов. Полет и крик определенных пород птиц, как это было впоследствии также у греков и римлян, служили пророческим предзнаменованием. В окраске и внешнем виде внутренностей жертвенных животных видели пророческие приметы – искусство, которое из Вавилона перешло в Малую Азию, Грецию и Италию, в Финляндию и Карфаген.

Падение дождя, общие очертания и окраска дневных и ночных облаков, землетрясение, блеск молнии, раскаты грома, шелест деревьев и кустарников и, наконец, всякий случайный шум, всякие случайные движения видимых предметов, даже линии руки, относительно которых сказано в Книге Иова, что в них записана вся судьба человека, – все это давало богатый материал для мистических пророчеств. Как известно, Давид делал предсказания по шуму тутового дерева, Девора пророчествовала по движению священной пальмы, а в Древней Греции высоким почетом пользовались говорящие дубы в Додоне и пророческие лавровые деревья в Дельфах и на острове Делосе, и даже в Италии высококультурный народ – этруски говорили о «благоприятствующих» и «неблагоприятствующих» деревьях. Сны прямо считались пророческим предзнаменованием. Ассирийцы были так убеждены в их пророческом значении, что записывали их содержание с величайшей тщательностью, как важнейшие исторические события.

Обширные познания и искусные приемы, которые жрецы применяли к магии и астрологии, составляли ревниво охраняемую тайну их касты, тем более что для полного усвоения их требовалось много времени и труда.

Но кроме этих каббалистических познаний мы находим здесь и следы философских размышлений. Не говоря уже о развитии догмата единосущности всех богов и богинь, который с давнего времени принадлежал к важнейшим тайным учениям школ Вавилона, – некоторые беспокойные умы углублялись в исследование эпического повествования о «путешествии в ад богини Иштар», и главным образом содержавшегося в нем сообщения об «источнике живой воды». Умозрительная философия приводила их постепенно «к бесконечности, к загробному миру». Живущее в сердцах громадного большинства людей, ничем не заглушаемое желание существовать после смерти привело к учению о загробной жизни, а отсюда, неизбежно, к признанию и вере в существование этого загробного мира. Там исчезнут, надеялись они, непримиримые в этом мире противоречия, и все диссонансы земной жизни разрешатся в вечную гармонию.

Глава 3. Иранцы

Многочисленные племена большой семьи арийских народов, подчиняясь смутному влечению к передвижению, еще в доисторические времена покинули заселенные ими лесистые

страны между Балтийским и Черным морями, чтобы найти себе новую родину. В то время как греки, италийцы, кельты, германцы и другие отправились на запад, другие племена через Кавказские Ворота, отчасти также через Уральский проход и через Босфор перешли в Азию («Азия-Ария»), часть из них осела на покрытых пастбищами горных склонах к северу и западу от Гиндукуша и в хорошо орошенных долинах Ирана, другая часть проникла через юго-западные проходы персидско-индийских пограничных гор и завоевала благодатные плодородные равнины Инда. Здесь, в море темных индийских народностей, в течение столетий исчезли последние волны арийского потока.

Впоследствии нам предстоит еще заняться обитателями Индостана или индусами. Поэтому остановимся сначала на их братьях, иранцах, которые по их священному языку называются также народом Зенда.

Иран и его обитатели

Иран, окруженный скалистыми горами, образующими как бы природный вал, представляет собой плоскогорье, которое в виде продолговатого четырехугольника расположено между бассейнами Тигра и Евфрата и, направляясь с востока на запад, доходит до Гиндукуша. Начинаясь у Кавказа и Каспийского моря, оно простирается до берегов Индийского океана. Внутри страны пустыня создала безжиз-

ненные, необитаемые пространства. Глаз беспрепятственно скользит по равнине, совершенно лишенной природных красот. В бедной растительностью, безлесной пустыне только кое-где встречаются обильные водой источники и колодцы, плодородные оазисы, которые «составляют владение господствующего деспота». И над всем этим простирается почти всегда безоблачное, залитое солнцем небо.

Однообразная пустыня постепенно переходит в роскошные пастбища, дающие обильную пищу табунам лошадей, стадам коз и овец.

То более крутые, то более пологие склоны гор создают местности с различным климатом и природой.

Северная гористая страна на берегу Каспийского моря соединяет в себе роскошную прелесть южной природы с бедностью сурового негостеприимного пейзажа.

Склоны гор покрыты густым лесом старых тенистых дубов, вязов и буков. За ними простираются лесистые луга, где чудесно окрашенные гиацинты и примулы, благоухающие лилии и фиалки кивают своими нежными головами.

Древний географ Страбон рассказывает об этой местности, что горы были покрыты здесь обширными лесами елей и дубов, что виноградная лоза давала ежегодно по ведру вина, а фиговое дерево – по 60 четвериков плодов. В лесах роились пчелы в таком количестве, что мед капал с листьев, а земля была так плодородна, что хлеба без обработки вырастали из опадавших семян. По удостоверению новейших пу-

тешественников, это описание и теперь еще вполне отвечает действительности.

Восточная горная страна поднимается до высоты 12 тысяч футов. Плодородные долины Кабула, с их роскошной растительностью, с их чистым, ароматным воздухом, представляют собой единственный удобный «сухопутный проход в окруженную со всех сторон неприступными горами Индию». Этот проход пользуется большой известностью. Извилистые реки, шумящие водопады, великолепные сады и дворцы, свежая зелень лугов и разнообразные очертания окружающих гор, над которыми возвышаются блестящие вечными снегами и льдами вершины Гиндукуша, – все это нежит и ласкает взор. В южной же части возвышенности мы, напротив, видим лишь бесплодные, сожженные солнцем равнины с песчаной, глинистой или каменистой почвой.

На западе ряд тянувшихся с северо-запада и юго-востока горных цепей образует несколько хорошо орошенных, плодородных горных долин.

Эти долины, изобилующие живописными видами, обладают прекрасным умеренным климатом. Перед утомленным угрюмыми пейзажами взором путешественника внезапно открывается очаровательная, как прекрасное сновидение, роскошная панорама.

Живописные склоны окружающих гор покрыты отягощенной плодами виноградной лозой, которая обвивает деревья до самых верхушек, смело перебрасываясь с ветки на

ветку. Розовые кусты и плодовые деревья распускаются там во всей красе, достигая высоты лесных деревьев, их плоды отличаются необыкновенной сочностью и нежными восточными ароматами. Здесь находится «сад роз Ирана», очаровательная страна вина и соловьев, прекрасный Шираз, где под чудным, синим небом «действительно царствует вечная весна, майские дни, благоухающие тысячами цветов», где вечно все цветет и зеленеет, где залитые солнцем холмы и покрытые цветами луга сменяются тенистыми рощами миртов, кипарисов и апельсинов. Здесь природа как бы с безмятежной улыбкой раскрывает богатейшую сокровищницу своего растительного царства, собирает воедино всю красоту и плодородие, которые она отняла у степи и пустыни.

Южная горная страна у Персидского залива состоит по преимуществу из крупных, прожженных солнцем возвышенностей, перерезанных дикими ущельями. Лишь кое-где у подножия круто поднимающихся кверху скал скудная растительность оживляет бесплодную почву, усеянную обломками горных утесов.

Вследствие резкой противоположности и богатого разнообразия в устройстве поверхности большая часть Иранского плоскогорья подвержена сильным и внезапным переменам температуры. Зима и лето непосредственно сменяют друг друга. Как только прекратятся снежные бури зимы, которые приносятся с арктических ледяных полей Сибири и обширных снежных пустынь Турана, наступает жаркое лето с ат-

мосферой, пропитанной тонкою пылью пустынь, и с апреля по ноябрь небо почти не омрачается облаками. Весны и осени нет совсем. Если они и бывают иногда, то имеют весьма мало значения.

Лишь центральная горная система обладает действительно здоровым климатом. Палящий зной солнца сильно смягчается высоким положением страны. «Воздух особенно сух и чист, на ясном небе с необыкновенной отчетливостью обрисовываются очертания гор и весь пейзаж, а необычайно яркий блеск ночных звезд почти равен дневному свету».

Вся огромная горная страна, как мы видели, уже в далекой древности была занята родственными иранскими племенами, которые, подобно индусам, присваивали себе почетное наименование Ария (арийцы), что означало – благородные, вернее, благочестивые; но еще в раннюю эпоху они распались на мелкие государства и поселения и забыли свое общее происхождение, первоначальную родину и племенное родство. Еще и в настоящее время главная масса населения Иранского плоскогорья, в общем уменьшившаяся под влиянием ужасных, неслыханных ударов судьбы, поражавших ее в течение многих веков, состоит из потомков тех древних, способных к развитию арийцев, которые однажды завоевали и колонизовали эту страну. Еще и поныне афганцы и персы обладают отчасти выдающимися способностями их предков: острым, проницательным умом и высокоразвитым чутьем к поэзии.

Насколько нам известно, западная часть Ирана была заселена юношески сильным, закаленным в тяжелом труде народом — мидянами и персами, которые вели простой, скромный образ жизни, это были земледельцы, пастухи, охотники, воины.

Восток был заселен множеством территориально разобщенных племен. Среди них бактрийцы наиболее сохранили характерные черты арийцев и с любовью лелеяли национальные предания. Этому, по всей вероятности, значительно содействовала тесная связь и общение с индусским миром.

Мидяне и персы, напротив, в течение долгого времени подвергались нивелирующему влиянию западных культурных народов, ассирийцев и вавилонян, которое становилось интенсивнее и решительнее, по мере того как, вследствие удаления и разобщения с восточными родственными племенами, исчезали национальные обычаи и национальное мировоззрение. Но все же внутреннее родство и национальное единство между Западным и Восточным Ираном осталось неприкосновенным, не подверженным влиянию семитских элементов. В особенности наиболее твердую основу составляли религиозные представления, которые мидяне и персы принесли с собой с востока и которые впоследствии в Авесте Заратуштры нашли свое частное выражение.

Предания Авесты, совпадающие с отдельными смутными воспоминаниями обитателей Западного Ирана, говорят о великом Бактрийском царстве, первоначальная история кото-

рого скрывается во мраке сказочной древности. Легендарные отголоски деяний его царей отразились в Шахнаме Фирдоуси.

Это огромное произведение, изображающее далекое прошлое Ирана, представляющее собой чисто национальное творчество, является не только величайшим продуктом восточной художественной поэзии, но также и поистине несравненным героическим повествованием, «определявшим в течение многих веков все мировоззрение Востока», «своего рода мировой историей». В своих основных чертах оно служило богатым источником для незаслуженно преданной забвению истории Восточного Ирана.

В 1100 г. до Р. Х. над всем Восточным Ираном, по-видимому, господствовала могущественная, воинственная династия. Как и все позднейшие цари, древние властители принуждены были вести непрерывную кровавую борьбу с алчными сынами негостеприимных, туманных степей, с кочевыми ордами Турана скифами, саками, гуннами и тюрками. Прекрасно возделанные земли Ирана всегда были легкодоступной целью для их разрушительных разбойничьих набегов. Славную жизнь героических сынов Ирана, павших в этих войнах по воле неумолимой судьбы, персидский эпос с поразительной силой воспекает в погребальных песнях, и «над могилой этих своих любимцев с глубоким трагизмом он воздвигает траурное знамя».

Начиная с IX в. до н. э. ассирийцы неоднократно пред-

принимают завоевательные набеги на иранские земли. Следствие этого – к середине IX в. западная часть их – Мидия и Персия – должны были подчиниться Ассирийскому царству.

Но мидийцы вскоре восстали и отвоевали свою свободу и независимость. Туземный, могущественный и знатный род стал во главе их, основал военную деспотию, придал царской власти внешний блеск и внутреннюю прочность, а государству – долговечное единство и могущество. В союзе с остальными родственными племенами – персами – они многократно отражали набеги старого непримиримого врага – ассирийцев. Но затем над Мидией разразился ряд тяжелых бедствий. Страна была покорена дикими полчищами скифов, до тех пор победоносно отражаемыми. На своих быстрых конях скифы пронеслись по Передней Азии, предавая все вокруг смерти, огню, разорению и расхищению и страхом и ужасом наполняя сердца всего азиатского мира, – время, которое юный Иеремия так трогательно изображает в своих жалобных песнях, – пока наконец храброму царю Киаксару не удалось освободить свою страну от этого ужасного бича и вместе с тем отомстить ненавистной Ассирии, население которой давно уже было обессилено.

В 606 г. до н. э. пала прославленная преданиями Ниневия. Огромная, блестящая столица была окончательно превращена в пепел. С тех пор «затих шум мирового города, уснули страсти и над равниной проносится порой дух пустыни, в образе песчаного крутящегося столба, перед которым отступа-

ет даже алчно ищущий добычи араб». «Ужасно, грандиозно было опустошение. Вид запустения, царствовавшего среди безмолвного мира развалин, напоминает пророческие слова Иеремии: «Как Вавилон сделался ужасом между народами! И поселятся там степные звери с шакалами и не будет обитаема вовеки и населяема в роды родов» (Иер., 50: 23, 39).

Астиаг, преемник воинственного Киаксара, был дряблой натурой. Это беззаботный, женственно слабый и изнеженный, но все же жестокий деспот. Поэтому неудивительно, что власть перешла к персам.

Этот переворот и основание Персидского мирового царства произошли при Кире. Между тем относительно исторического хода этих событий мы имеем весьма мало достоверных сведений. Уже в очень раннюю эпоху они были искажены множеством легендарных прикрас, включены в романтическую область чудес и мифов и сохранены в сокровищнице поэзии, «в которую юные народы вкладывают свои чувства и свои желания».

Мощное государство, какого еще не видела Передняя Азия, выросшее в течение немногих лет, и появление человека, энергия которого создала все это, произвели на человечество ослепительное, потрясающее впечатление. Поэтому весьма легко понять, что поэзия немедленно завладела образом персидского национального героя, его судьбой и деяниями, разукрасила их легендарными чертами, окружила религиозным поклонением, а его самого в конце концов при-

числила к богам. История Кира вполне соответствует «поэтическому полумраку, в который облечена жизнь и юные годы выдающихся героев и основателей государств доисторического времени».

Известен рассказ Геродота о полной чудес юности Кира, рассказ, живо напоминающий историю Ромула и Рема. Хотя этот грек посетил родину Кира спустя 100 лет после его смерти, он все же не был в состоянии, при своем наивном прагматизме и глубокой вере в Божественное правосудие, карающее всякое высокомерие и наказывающее по заслугам всякое дерзновение, критически разобраться в персидских сагах, которые он тут слышал, и с некоторой достоверностью установить историческую истину.

Какое мощное и глубокое впечатление произвел вообще персидский герой на последующие поколения, доказывает тот факт, что греческий полководец и писатель Ксенофонт, который лично ознакомился с Персией в 401 г. до н. э., изобразил его в историческом романе идеалом государя.

Историческое величие и великолепие Древнего Ирана пало в 331 г. до н. э. перед военным гением Александра Македонского, между тем как созданное целым рядом политических и социальных революций Новоперсидское царство безвозвратно рухнуло под всеуничтожающим натиском магометанства.

Как некогда иудеи после разрушения Иерусалима, так и верные последователи Ормузда рассеялись преимущественно

но по обширному азиатскому миру. Здесь, под названием парсы, влачат они свое плачевное существование и с нежной заботливостью лелеют старинные традиции отцовских верований.

С крушением всей иранской цивилизации культура человечества потеряла чрезвычайно много. Лишь жалкие остатки обширной религиозной литературы были спасены парсами, которые унесли их с собой на чужбину.

Религия Ирана

Иранцы разделяли с индусами ведийского периода поклонение божеству небесного светила, солнца, «которое каждое утро вливает в человеческие сердца энергию и показывает мир в новом блеске», а также его земному отблеску, огню прозрачному, ясному воздуху в его победоносной борьбе с враждебными силами природы, духами засухи и бесплодия.

Поклонение огню, как таинственной силе, в форме близкой к фетишизму, встречается у большинства первобытных народов. Облагороженную и более осмысленную форму огнепоклонства мы находим у германских народов, где оно и поныне сохранилось в виде пасхальных и Ивановых огней.

Култ очага был в особенности распространен среди индогерманцев. Священный огонь очага является для них как бы центром каждого дома, а вместе с тем – вообще символом оседлого образа жизни, который один только и обуславлива-

ет возможность земледелия и материальной культуры, служащей прочным фундаментом для культуры духовной. Погашение огня означает оставление жилища, которым завладевают злые духи ночной тьмы и запустения.

Вокруг священного очага в известные праздники собиралась греческая семья. У очага в доме римлянина стояли статуи ларов и пенатов. Здесь же, как у древних индусов, совершался обряд бракосочетания. В Риме даже само государство заботилось о поддержании вечного священного огня в храме Весты. В хижине древнего германца на очаге пылал неугасающий огонь как символ вечной жизни его семьи и его рода.

Во вспыхнувшем, ярко пылающем огне, «подымающееся пламя которого считалось символом стремления человеческой души к вечному источнику света», иранцы видели не только основу всей культурной жизни, но вместе с тем также самый священный и самый чистый элемент, это был символ нравственной чистоты, источник всего нравственно-прекрасного. На залитых светом горных высотах, вблизи текущих, прозрачных вод, без храмов, без алтарей воздавалось ему нелицемерное поклонение. Постоянно заботясь о поддержании огня, питая его сухим, ароматическим деревом, они надеялись по его пламени и дыму угадать волю божества. К пророческой силе огня обращались в особенности за разрешением в спорных вопросах права – обычай, часто применявшийся также в карательном правосудии немецкого Средневековья.

Возвышенным, благожелательным духам света и огня противопоставлялись иссушающие ветры пустынь, холодные снежные бури как враждебные, страшные силы. Это злые духи тьмы и смерти, которые препятствуют всем человеческим начинаниям. Они обитают на холодном севере, в негостеприимном Туране, население которого, ведущее жизнь кочевников, осталось дикими и невежественными варварами, не имеющими истории; они живут и в знойных пустынях, которые местами прорезывают и окаймляют Иран.

Иран же, где загорается раньше живительный дневной свет, служит обиталищем дружелюбных духов света, которые с благожелательной заботливостью способствуют плодородию страны и доставляют человеческому труду успех и удачу. Две эти силы борются за власть над землей и человеческим родом.

Глубокомысленная, но далеко не бесспорная теория А. Ф. Гумбольдта и Томаса Бокля, что природные условия страны определяют проявления духовной жизни, что физический мир влияет на моральный, что между чувственным и сверхчувственным существует какое-то таинственное взаимодействие, как будто бы находит изумительное подтверждение в особенностях духовного развития обитателей Ирана. Землетрясения, снежные бури, суровые зимы, наводнения – все это безнравственно угрожало уничтожить плоды тяжелого труда. Жизнь иранцев протекала в безнравственном колебании между страхом и надеждой, робким ожида-

нием и бодрящей радостью. Непреодолимые силы природы и ее безграничная власть над миром и человеческой жизнью должны окончательно овладеть сознанием и пробудить веру в добрых и злых, вечно борющихся между собой, духов.

Реформатор иранской религии, мудрый Заратуштра, то есть сын звезд, – натура глубоко религиозная, – связал это дуалистическое поклонение природе в одну изумительную, построенную по строгому, глубоко продуманному методу поэтически-философскую систему.

Включать основателя религии в священную хронологию, относить полученное им откровение к той золотой эпохе, когда боги еще общались с некоторыми смертными, было обычным явлением в истории религии.

То же случилось и с Заратуштрой, имя которого всегда с почтением упоминается среди великих основателей религий доисторических времен. Это уже не историческая фигура. Его личность и наиболее интимные обстоятельства жизни сделались достоянием легенды. Она говорит, что пророк Ирана был царского, даже божественного происхождения. Вся его деятельность подсказана ему непосредственно самим божеством. Его молодость полна чудес. Уже на пятнадцатом году он проявил свой выдающийся ум.

Жизнь и деятельность Заратуштры нужно отнести к очень ранней эпохе. Он жил не позже XI в. до Р. Х. Уже около 800 г. его учение господствовало в Восточном Иране и об-

ладало достаточной силой, чтобы отсюда распространиться среди родственных племен, мидян и персов.

Как обо всех основателях высших религий, о Моисее, Будде, Мухаммеде, так и о Заратуштре говорится, что он долгое время жил в уединении пустыни, предавался аскетизму и самосозерцанию и обдумывал принципы своей религиозной реформы.

Глубоко правдивое замечание, что именно между «небесным сводом и безграничной равниной пустыни одинокого и покинутого странника неизбежно охватывает монотеистическое настроение, ибо сухой и прозрачный воздух не вызывает в воображении всех тех чарующих обманчивых образов, которыми наполняет его воображение лесистая страна; здесь нет солнечных лучей, которые, прорываясь сквозь просветы древесной листвы, играют на дрожащих, отражающих свет листьях, здесь нет сучковатых ветвей, ползучих корней странной формы и дуплистых деревьев, того треска и ропота, шороха и шума, шелеста и шепота, вообще всех тех звуков в рощах и лесах, которые так легко дают нам иллюзию невидимой жизни».

Когда пророк приготовился и все обдумал, он начал публично проповедовать свое учение. Повсюду воздвиг он алтари огню и вблизи Каспийского моря посадил кипарис, на коре которого записал, что бактрийский царь Виштауста принял его учение. Вплоть до появления ислама благочестивые служители Ормузда совершали постоянные паломничества

к этому священному дереву.

Упоминание в легендах именно о кипарисовом дереве отнюдь не случайность. Вечнозеленое дерево с давних времен и до наших дней служит для обитателей Востока глубоко-мысленным символом бессмертия и вечности, а также примирения и успокоения.

С той же мыслью мы встречаемся и в древнехристианском мировоззрении. Так, например, на саркофагах первых времен христианства кипарисовое дерево, которое отец церкви Августин назвал деревом праведных и листья которого никогда не увядают, изображено как символ бессмертия. Теперь же кипарисовое дерево под влиянием поэтов, придерживавшихся римского толкования, является преимущественно символом могилы и смерти.

Заратуштра построил свою религиозную систему на основных принципах древнего поклонения природе пантеистического материализма.

У всех умственно развитых народов наступает период, когда натуралистические божества преобразуются в носителей духовных свойств. Проснувшееся в человеке самосознание превращает дурные и хорошие побуждения души в добрые и злые божества и представляет борьбу, которая происходит в человеческой душе между обоими враждебными началами, как борьбу божественных существ, происходящую вне человеческого «я».

На этом поворотном пункте религиозного развития сто-

ит Заратуштра. Он становится выразителем народного духа и пробуждающегося самосознания. Как говорится на языке религии, божество открыло ему то, что должно было стать содержанием новой веры.

Перенеся физическую противоположность между Ираном и Тураном на мир моральный, Заратуштра прежде всего разделил весь мир на два царства: на чистый мир света и мир тьмы. Во главе первого он поставил Ахурамазду как «всеведущего творца и властителя всего существующего видимого и невидимого миров». Из Ахурамазды впоследствии образовалось имя Ормузд. Царство тьмы было подвластно Ахриману, «зло замышляющему». Каждому из этих высших богов были подвластны полчища распределенных по иерархическим рангам духов, которые представляли собой лишь аллегорию понятий физических, космических, этических сил и сил природы, но не воплощались в живые образы и были лишены исторической жизни.

Эти два основных принципа существовали с самого начала. Если Ормузд был творцом света и жизни, радостных полей и смеющихся полей, то Ахриман был родоначальником тьмы, ночи и смерти, ибо именно он посылал ледяные зимние вихри и создавал палящий зной пустынь. Если первый сотворил корову, лошадь и собаку, полезных домашних животных, то второй был творцом хищных зверей, змей и вредных насекомых. Если Ормузд старался удерживать людей на стезе добродетели, то Ахриман постоянно стремился завла-

деть человеческой душой, чтобы склонить ее к постыдным порокам, бросить ее в объятия лжи и сладострастия.

Эта непрерывная борьба за власть над землей и человеческим родом оканчивается поражением Ахримана и всех злых духов, полным примирением великого дуализма между светом и тьмой, добром и злом. Царство света, царство всеобщего совершенства и вечного блаженства должно владеть миром. Души верных последователей Ормузда соединяются для вечной жизни со своими воскресшими телами.

Таким образом, учение Заратуштры свидетельствует о превращении поклонения природе и свету в духовную религию с моральными тенденциями. Поклонение солнцу и звездам и культ огня получили символический смысл и эпическое направление. Существенной стороной и характерной чертой реформаторской деятельности Заратуштры является то высокое значение, которое он придал обработке земли. Его учение представляло собой «религию рациональной культуры земли».

Из сущности этой религии вытекали нравственные задачи жизни человека, служение добру и борьба со злом, как во внешней природе, так и в собственной душе. Только тот человек, который уничтожает вредных животных, змей, гадов, хищных зверей, усердно обрабатывает и орошает землю, сажает полезные деревья и т. п. – потому что такая работа приравнивает его к добрым духам, – только тот человек, который оберегает свою душу от греха и порока, от лжи и

обмана, лицемерия и клеветы, который чист словом, делом и помышлением, – только такой человек защищен от злых духов. Они не могут вселиться в него, и после смерти его душа уходит в лучезарное небо и блаженствует пред светоносным ликом Ормузда. «Чистый в помыслах и словах, чистый в своих поступках, молюсь я тебе, – говорит Заратуштра в Ясне, – дозвожь чистоте моего сердца стремиться к тебе, о Ахурамазда. Дай мне крепость устоять в добре, чтобы я мог достичь святости в делах моих, которые служат для меня источником радости и блаженства».

Злой же человек, порочный, лживый, несправедливый после смерти попадет в ад. Но это не наш ад, с его ужасной безысходностью; назначением его служит не наказание, а просвещение, очищение от грехов. Души злых очищаются всерастворяющим жаром огня, пока наконец они не соединятся с другими просветленными существами на освобожденной от всего порочного земле для общего дела, где, сплотившись в одну семью, с общим языком и общей жизнью, они будут блаженствовать до скончания веков.

Благочестие в мыслях, словах и делах – основное требование, которое учение Заратуштры предъявляет к моральной жизни верующих. Главными добродетелями считаются правдивость и верность, милосердие и сострадание, в то время как ложь, измена и неверность были самыми позорными пороками и преступлениями.

Что эти добродетели, в связи с рациональной обработкой

полей, с разведением тенистых садов и плодовых деревьев и т. д., действительно составляли основу государственного общежития, главную характерную черту моральной и религиозной жизни Ирана, — это следует заключить из описаний Геродота и Ксенофонта, так же как представление о сказочном великолепии позднейших дворцов и престолов халифов заимствовано лишь из воспоминаний о прежнем величии Персии. Но будет весьма благоразумным не предъявлять к милосердию и сострадательности последователей Заратуштры слишком высоких требований: и менее всего нужно ожидать от античного мира тех взглядов, какие впервые выработало лишь христианство. Милосердие поклонников Ормузда распространяется на одних лишь верующих, тогда как помощь неверующему равносильна полному подчинению злым стремлениям Ахримана.

Более счастливый, чем большинство других пророков, — смелые рыцари духа очень редко или даже никогда не находят на земле награды, — Заратуштра уже при жизни видел плоды своего учения и был вынужден погибнуть для этого мученической смертью.

Основанная им государственная религия Ирана принадлежит к изумительнейшим проявлениям человеческого духа. Это величественное явление привлекло внимание греков и вызвало в них живой интерес. Богатством содержащихся в нем мыслей учение Ормузда пробудило умственную деятельность греческих мыслителей. С целью изучить его на ме-

сте Пифагор, Эмпедокл, Демокрит и Платон предприняли путешествие в Персию.

Философские системы этих мудрецов во многих пунктах обнаруживают близкое родство с иранским религиозным учением. Эсхил, Феопомп и Плутарх также были знакомы с религиозным дуализмом.

Персидская государственная религия представляла собой не только логически законченную систему, но вместе с тем и гениальное поэтическое повествование, «смело задуманный, логически развитый, облаченный в художественную форму религиозный эпос, которому нет равных».

Как религиозный поэт, Заратуштра остается недостижимым образцом во все исторические эпохи. Ни один из великих религиозных писателей позднейших веков, ни Данте, ни Мильтон, ни Клопшток, не могут сравниться с ним. Никогда даже творческая фантазия не возвышалась до такой степени неотразимого влияния и всепокоряющей мощи убеждения, которая действительно была присуща великому Заратуштре.

Глубоко искренний сердечный порыв сказывается в его учении. Ясно чувствуется, что оно было для него откровением. Призывая к неустанной борьбе с царством Ахримана, он совершил величайший нравственный подвиг, равного которому мы не знаем; могучим порывом он вырвал дух человеческий из оков тьмы и суеверий и указал ему путь деятельной любви к человеку, тогда как все остальное человечество – индусы и семитские народы – путем допускающе-

го даже человеческие жертвы примирительного культа пытались смягчить злое начало в природе и человеке, олицетворенное в виде разрушительного божества.

Благодаря своему столь утешительному, столь дорогому для человеческого сердца верованию в воскресение мертвых, в конечное превращение зла в добро смелый поэт, в душе которого, несомненно, таилось неиссякаемое сокровище чистой любви к человеку, не только сумел осветить радостным светом всю жизнь и деятельность древних персов, но косвенно оказал также большое влияние и на христианство, предшественником которого он является. И там, как и здесь, примирение и успокоение являются конечной целью.

Орден атраванов и магов

Из книг (21 книга) Зенд-Авесты, иранского священного писания, которые по традиции приписываются Заратуштре, сохранились лишь Вендидад (то есть «данная против злых духов»), содержащая в себе очерк иранского вероучения; Ясна (то есть «книга жертв»), собрание гимнов и молитв; Висперед (то есть «все властители или гении»), меньшего объема сборник молитв в таком же роде, как Ясна. Но в том виде, в котором эти книги дошли до нас, они составлены не Заратуштрой, хотя несомненные признаки свидетельствуют о том, что великий поэт сам сочинил многие из сохранившихся до нас песен и стихов, в которых он высказывает свои

размышления. Несомненно также, что ядро учения, религиозные представления, законы и правила нравственности ведут свое происхождение от Заратуштры и составляют основу древнеперсидского культа огня и света.

Иранское священное писание было составлено многими жрецами уже много времени спустя после того, как замолкло живое слово учителя; писание было приспособлено к потребностям нового времени.

На это указывают нам достоверные признаки: между прочим, там перечислены точные постановления ритуала и богослужения, предписания для различных празднеств, на все часы дня и времена года. Сюда относится также пространное учение об обязанностях, касающееся всех жизненных отношений, казуистическое разделение грехов на роды и классы и определение искупающих их наказаний, очищений и покаянных правил; все это изумительно напоминает позднейший буддизм, с его бессмысленными молитвами, скучными церемониями, с туманными фигурами богов, которые не имеют ничего общего со свежестью и жизненностью мифологических образов у юных народов и весьма нередко переходят в малопонятные олицетворения моральных свойств.

Религия, требующая долгого, далеко не всякому доступного изучения, предписывающая религиозные действия и церемонии, произнесение длинных, точно установленных молитвенных формул, которые предполагают знание сложных обрядов, обуславливающих принять жертвы, – такая

религия для выполнения всех полагаемых ею обязанностей нуждается в ученых жрецах, для которых такие действия являются задачей всей жизни.

Это сословие жрецов, как мы знаем со значительной долей вероятности, действительно возникло у восточноиранских народов уже очень рано. Подобно арийцам Индии, арийцы Ирана верили во всепобуждающую силу молитвы и жертвы. Точное знание заклинаний и различных видов жертвоприношений, необходимо подчинявших богов воле человека, передавалось по наследству от отца к сыну в семьях певцов, жертвоприносителей и чтецов молитв.

Реформа, произведенная Заратуштрой, коснулась также и старых жреческих родов. При этом между последними и жрецами, представителями реформированной религии, дело дошло до жестокой борьбы, в результате чего жрецы – последователи Заратуштры, уже объединенные новым учением и твердыми правилами новой религии, сплотились еще теснее.

Жреческое сословие Восточного Ирана резко отличалось от остального населения и имело определенные права и обязанности. Только при содействии жрецов мирянин имел право приносить жертву, только их устами мог он надлежащим образом взывать к божеству и отгонять злых духов. Для мирянина не существовало никакого религиозного обучения. В вопросе о происхождении и смерти земных существ он был посвящен лишь настолько, насколько это его лично касалось.

Жреческая иерархия смотрела на свою премудрость – на-

следование религиозного учения – как на неотъемлемое достояние своего сословия. Поэтому в качестве учеников она принимала в свое общество обыкновенно только сыновей жрецов и лишь в исключительных случаях – других юношей. Сама церемония приема обставлялась весьма торжественно, причем применялись известные символические обряды и соблюдались определенные предписания ритуала.

В жреческих школах, которые заняли место прежних родовых преданий, переходящих из поколения в поколение, воспитанники обучались тайным наукам; занятия эти сводились главным образом к заучиванию правил ритуала и к упражнениям в совершении богослужения. Они посвящались здесь также и в трудное искусство письма, которым обладали одни лишь жрецы. Каждый молодой жрец должен был, кроме того, заучивать наизусть священные писания, и даже в наше время жрецы у парсов знают наизусть всю Авесту. Следовательно, обучение было обставлено такими трудностями, что уже одно это могло породить в жреческой касте стремление к возможной замкнутости.

Жреческое сословие разделялось на несколько классов. Во главе каждого стоял главный жрец. На одном из этих классов лежали определенные обязанности по богослужению. Главным его занятием и самой важной обязанностью было чтение Авесты и поддержание священного огня. Другой класс руководил очищениями, третий совершал жертвоприношения.

Члены общества имели особые знаки отличия, они носили при себе жертвенную чашу, жезл для умерщвления нечистых животных и закрывали платком нижнюю часть лица, чтобы их дыхание не касалось священного огня и этим не оскверняло его.

Жрецы Запада назывались магами. Они также составляли замкнутую, наследственную корпорацию, и на их существование можно найти указания уже в 700 г. до Р. Х.

Несомненно, что и у мидян, и у персов уже с древнейших времен существовали жрецы, которые умели вызывать светлых духов древнеарийской религии и поддерживать отгоняющий злых духов священный огонь. Когда впоследствии новое учение перешло с Востока в Мидию, древние жреческие роды, видя, каким широким и прочным влиянием пользовалось жреческое сословие заносного культа, продолжительная борьба с которым оказалась невозможной, вступили в союз с проповедниками нового учения.

Маги заняли очень влиятельное положение. На них возлагалось попечение о важнейших делах народа. Они являлись не только учеными – теологами и мыслителями, но также и искусными дипломатами, и опытными государственными деятелями, мудрый совет которых имел безусловное влияние на все решения царя. Постоянно сопровождая царя, они заботились о священном огне, который носили перед государем. Они были постоянными учителями и воспитателями царских сыновей. Им одним принадлежало право со-

вершать жертвоприношения, выполнять предписания культа, петь хвалебные гимны, объяснять необычайные явления природы и толковать сны – искусство не только выгодное, но и очень важное. Они были истинными наследниками славы халдеев, а также и их астрологических дознаний и приемов. Благодаря этой «науке» они после падения персидского могущества находили почетный приют повсюду, их имя было окружено таинственным очарованием, в особенности в жадных до всего чудесного странах юга.

Маги жили в огороженных стенами селениях, подчиняясь своим собственным законам; с течением времени у них сложился иерархический строй с жреческими школами, где сообщались древние заклинательные формулы и молитвы, новые очистительные предписания и религиозные постановления, где унаследованные верования получали, благодаря тщательной разработке их, разъяснение и дальнейшее развитие, где толкование священного писания передавалось как тайное учение, в то время как в народном сознании уже давно исчезли древний язык и древние представления.

К изучаемым наукам принадлежали также естествоведение и медицина. В жреческих кругах и школах Атраванов и, в особенности, в школах магов иранский культ огня и света воспринял некоторые новые представления и теоретические основоположения; этому содействовало, без сомнения, также и продолжительное общение со стоявшими значительно выше в научном и политическом отношении семитским

и греческим мирами.

Учение Заратуштры требовало от человека душевной стойкости и вменяло ему в обязанность постоянный труд, оно поставило для него задачей соблюдение чистоты тела и души, власть над своими страстями. Если человек сохранял телесную и душевную чистоту, если он был правдив в словах и честен в поступках, если он приумножал полезные плоды земные в лесах, полях и лугах, если он умерщвлял зверей, посылаемых злыми духами, то ему была предуготована удача во всех его начинаниях, долгая жизнь на этом свете и вечная жизнь за гробом.

Но жреческие школы не остановились на этом. Они ревностно выясняли новое представление о божестве и вводили культ старых богов в новое вероучение; в реформированном вероучении старые предписания о чистоте превратились в детальные правила о соблюдении чистоты для всех человеческих отношений, для каждого часа дня, для всякого рода человеческой деятельности; наряду с древними заклинаниями богов сложились новые песнопения, пытавшиеся представить божества в качестве этических потенций.

Из утонченной диалектики жреческих школ выработалось чрезвычайно сложное учение о чистоте жизни, казуистические предписания об искушении и правилах покаяния и изобилующее обрядностями внешнее благочестие. Производились обстоятельные исследования по вопросу о формулировке закона и права. Религия предписывала со-

бирать древние песни, сопровождавшие жертвоприношения, устанавливала порядок богослужения. Упорядочивались бесчисленные жертвоприношения и празднества, записывались правила врачебной науки. Врачебное искусство доставило магам приют и почет еще в древнейшие века при дворе халифа Гарун аль-Рашида.

Довольно туманное учение Заратуштры о конечной победе царства света над царством мрака и зла было разработано полнее. Когда настанет конец мира, придет победоносный герой Соейош (Сраоша) и произнесет свой суд над всеми восставшими от смерти, тогда праведные вознесутся в царство блаженных, неправедные же получат очищение в огненном потоке и, с обновлением тела, приобщатся к вечному блаженству.

Учение о бессмертии и возмездии в загробной жизни составляет, очевидно, основу всего тайного учения жреческой касты Ирана. У индогерманских племен страстная вера в посмертную жизнь являлась существенной частью их религии. В этом отношении изумительное сходство замечается в представлениях об ужасающих пустотах Аида, об елисейских полях Асфоделя, о светлых обителях Валгаллы.

Глава 4. Индусы

Страна и народ Индии

На южной окраине Среднеазиатской возвышенности поднимаются Гималаи, величайшая на земле горная цепь. Этот мощный горный хребет тянется в длину больше чем на 350 миль, направляясь на восток, определяет природу и жизнь обширной страны, лежащей на юг от него.

Гималайский хребет защищает Индостан от холодных ветров, которые несут с собой мороз и разрушение, дуют на Среднеазиатском плоскогорье; он задерживает также дождевые облака, которые приносятся с Южного океана пассатными ветрами и разливаются благодатным дождем над равнинами, расположенными по южным склонам Гималаев, превращая зной солнца в прохладу, а сожженную растительность – в роскошную зелень.

Как только путешественник минует необозримые снежные пустыни и вечные ледники, на которые не оказывает никакого влияния даже зной тропического солнца, «где ничто уже не расцветет, где не зеленеет ни один стебель травы и в воздухе уже не реют птицы, где не шевелится ничто живое и носится лишь ветер», он попадает в покрытую лесом холмистую страну, переходящую к западу в обильно орошен-

ную низменность. Первая орошается Индом, вторая – Гангом и Брахмапутрой. Эти могучие реки, берущие свое начало в снежных полях Гималаев, извиваясь несут свои обильные воды к Индийскому океану и Бенгальскому заливу.

Чередование возвышенностей и низменностей, благотворное влияние климата, влажного благодаря обильным испарениям близкого океана, бесчисленным рекам и постоянным дождям. Дожди, благодаря муссонам, правильно распределяются в известные времена года по всей стране, вызывают к жизни ту изумительную южную флору, то изобилие и разнообразие растительности, которое с древнейших времен сделало Индию роскошнейшим плодородным садом мира и превратило ее в прославленную в тысячах песен благословенную страну счастья и красоты. Она была целью стремления всех завоевателей, туда направлялись все знаменитые мореплаватели, там зародилась мировая промышленность, отсюда доставлялись всему миру всевозможные продукты, драгоценные камни и пряности, отсюда начались разнообразные сношения со всеми странами света, во все времена и между всеми народами.

Во все времена народная фантазия рисовала Индию страной чудес. Необузданное воображение широко раскинуло свое безграничное царство. С особенной любовью занимались этой страной чудес легенда и поэзия.

Некогда вся Индия была заселена дикими чернокожими племенами. В один из последних веков 3-го тысячелетия до

Р. Х. в горных проходах Северо-Западных Гималаев появились индийские арии, которые, отделившись от своих братьев, иранцев, победоносно спустились в чудесную страну, частью подчинить себе туземное население, частью оттеснить его к лесистым горам Среднего и Южного Индостана, где оно нашло для себя неприступное обиталище. В своей первобытной дикости эти туземные племена упорно сопротивлялись всякому влиянию чуждой культуры и создали себе свой собственный язык и свою литературу. Эти народности, часть которых еще и по настоящее время остается людоедами, представляют собой вырождающиеся племена, подобно австралийским аборигенам и индейцам Америки.

Историческая жизнь индостанских ариев зарождается впервые на Инде. К сожалению, относительно постепенного развития этой исторической жизни в первые века после переселения ничего определенного не известно. Не говоря уже о полном отсутствии достоверных исторических документов, совершенно не сохранилось каких-либо определенных преданий о деяниях и судьбах этого народа, тем более что развившаяся в следующие века религиозная система брахманизма стремилась через своих жрецов уничтожить всякое воспоминание о прошедших временах и представить брахманизм как бы первоначальной силой, господствовавшей во все времена.

Тем не менее в древнейших гимнах Вед, сборнике главным образом религиозных песен и молитв, которые частью

составлены за 15 веков до нашего летоисчисления и даже в еще более ранние времена, попадаются кое-где указания, проливающие некоторый свет на эту эпоху. Согласно данным свидетельствам, жизнь древних индусов во многих чертах обнаруживает сходство с древнегерманской. Веды рисуют ариев людьми, склонными к пьянству, они страшно увлекаются игрой в кости и в этом отношении несколько не уступают древним германцам, обитавшим на прославленных легендами берегах прекрасного Рейна.

Но наряду с этим в гимнах обнаруживаются богатые природные способности, воинственный дух и мужество, юношеская свежесть и жизнерадостность новопришедшего народа. Верность, преданность и добрые нравы – вот прославленные Ведами добродетели.

Основой государства был строго установленный семейный быт. Несколько селений составляли округ, несколько округов – одно племя. Скотоводство и земледелие заполняли внешнюю жизнь народа, которая нарушалась лишь раздорами между отдельными семьями; духовная же жизнь проявлялась в жертвоприношениях и в поклонении силам природы. Женщина пользовалась значительно большей свободой, чем в позднейшие времена, при господстве брахманизма.

Сельские жители в определенные дни собирались для обсуждения их дел и для общественных развлечений. В собраниях всего племени принимал участие также и царь, сан которого был сначала выборным, а потом сделался наслед-

ственным. Царь был предводителем на войне и собственно-ручно приносил жертвы от лица всего племени. Иногда же он поручал это одному из певцов, которые в большом числе состояли при его особе, жили от щедрот его и в песнях прославляли его деяния.

Благодаря религиозности индусов поэзия рано достигла у них высокого расцвета. Ригведа, древнейший сборник религиозных гимнов и молитв, который поклонники Брахмы и в настоящее время чтят так же высоко, как последователи ислама – Коран, содержит более тысячи священных песен, обращенных к богам, с мольбой о хороших пастбищах и обильных источниках для стад, о даровании здоровья, долгой жизни и победы над врагом.

Мрачное учение о переселении душ, которое давило и угнетало сознание последующих поколений, еще незнакомо древнейшим песням. Земная жизнь представляла еще слишком много интересного, люди были еще слишком по-человечески привязаны к доставляемым ею наслаждениям, чтобы с трагической серьезностью, свойственной позднему времени, устремлять свой пытливый взор в неведомое и непостижимое царство будущего. Думали, что добродетельные люди после смерти перенесутся в тот мир, «где замолкают все страсти и все желания».

Этому светлому миру с его райскими радостями не противопоставлялся ад с его бесконечными муками и страданиями. «Представление это было чуждо эпохе Вед. Оно предо-

ставило сделать это открытие позднейшим векам и воображению позднейших поколений».

Древняя индусская вера была простым, поверхностным и чувственным культом природы. В благотворных явлениях ее видели дружественное расположение добрых духов, в разрушительных же влияниях природы со страхом усматривали опасную деятельность злых сил. «Эти благотворные влияния наиболее явно проявились в согревающем и оплодотворяющем свете солнца. Среди торжественной ночной тишины бесчисленные звезды говорили человеку о далеком, полном таинственности мире небес. Его страшная и разрушительная сила проявляется в молниях, сопровождающих грозы, которые производят также и благотворное действие, принося благодатный дождь. Наивному миропониманию первобытного человека молния, разрывающая облака, должна представляться деянием могущественного, страшного и в то же время доброго божества. Этим объясняется, почему жилище богов переносилось в воздух и на небеса».

Величайшим из главных божеств, которым индусы приписывали благотворную силу, был Индра, бог лучезарной синевы небес. Он производил молнию, и «как обруч охватывает спицы колеса, так Индра охватывает все существующее».

Наряду с ним большим почетом пользовался Варуна, многозначительное, таинственное божество. Он – творец вечных нерушимых законов, которым подчиняется мир и все суще-

ствующее и на которые не смеет посягать ни смертный, ни бог. «Ветер, который проносится в воздухе, – это его дыхание, солнце – его глаз, реки текут по его предначертанию».

В глубине небес, наряду с Варуной, обитает Яма, бог смерти, к которому возносятся души умерших.

Кроме высших богов неба, поклонение создавалось также подчиненным им духам, населявшим воздух, в особенности утренней заре, солнцу и его земному прообразу – огню.

Яркое пламя пылающего огня казалось индусам, так же как и иранцам, добрым духом, прогонявшим злые силы тьмы и отпугивавшим хищных зверей от жилища человека и его стада. Этот дух, Агни (Ignis), был добрым другом и желанным гостем всех людей и, в образе священного пламени на очаге, покровителем дома и общины.

Божества, созданные религиозным сознанием древних индусов, являются, таким образом, олицетворенными силами природы: «свет, воздух, огонь – зарождение, существование, разрушение». Этическая точка зрения, приписывающая богам, наряду с высшей властью и мудростью, также и охрану права, обычая и добродетели, лишь случайно сказывается в ведийском культе природы. Брихаспати, покровитель молитвы, посредник, соединяющий духовными узами богов и людей, является наряду с Варуной почти единственным представителем этого направления.

По детски наивному мировоззрению Вед, человек является одним из звеньев в длинной цепи божественных существ.

Боги, как эманация природы, сравнимы с людьми. Поэтому последние никоим образом не должны унижаться перед ними. Принося богам жертвы и молясь им, арийцы вместе с тем открыто признавались, что это делается лишь в надежде на их содействие и помощь в борьбе с противниками и врагами. Вымаливать у рассерженного бога пощаду и прощение, смягчать его гнев было чуждо их религиозному представлению.

Путем даров и жертвоприношений, – а самой действенной жертвой являлся «искусно приготовленный напиток из сладкой как мед сомы», горного растения, которое полагалось собирать при свете луны, – они, в своем ребяческом безумии, думали приобрести неотразимую власть над всеми богами.

И самый напиток таинственным образом превращался в могущественного бога. Поэтому боги не могут противостоять его влиянию, но в благодарность они должны оказывать помощь человеку, приносящему эту жертву.

Вследствие этого певцы жертвенных песен, знавшие самые действенные заклинания и умевшие наилучшим образом совершать жертвоприношения, уже в очень древнюю эпоху пользовались большим почетом. Эти кудесники имели власть над богами.

Эта духовная и общественная жизнь, обнаруживавшая еще основные черты, общие всему индогерманскому племени, изменилась, а когда, постепенно подвигаясь вперед, индусы заняли всю страну, до самого верховья Инда, основав

по среднему течению его различные государства и вместе с тем вступив в период суровой завоевательной борьбы, в героическую эпоху, преисполненную воинственной отваги, дремавшие силы и способности великой индийской нации пробудились к жизни.

К этой эпохе относятся также упоминаемый древними писателями набег ассирийцев и загадочные путешествия в Офир, предпринимавшийся финикийцами в X в. до н. э. к верховьям Инда, с целью добычи там золота и слоновой кости, сандалового дерева и драгоценных камней, обезьян и павлинов.

Одновременно с завоевательными походами на юг арийские народности заняли также низменность по Гангу – истинную родину и место расцвета индийской культуры. В результате кровавой борьбы на равнине, образующей вход в долину Ганга, где и в позднейшие века судьба Индии нередко решалась битвами, они завладели этой богатейшей страной, еще задолго до того времени, когда родственные им греки испытали свои юные силы в героических сражениях под Троей. Последующие полчища арийских племен оттеснили прежних переселенцев из завоеванной с такими усилиями страны дальше к востоку.

Это передвижение народов длилось несколько столетий, наполнив всю страну по Гангу страшным лязгом оружия и кровавой борьбы и, несомненно, сломив юную мощь индийского племени. Когда же наконец многочисленным племе-

нам удалось осесть на одном месте и зажить спокойной, мирной жизнью, зародилась своеобразная индусская культура.

Великий индийский эпос, в руках брахманов впоследствии совершенно преобразившийся, также пользуется обильным материалом, доставляемым этими войнами и передвижениями народов.

Воинственный героический дух, высокоразвитое чувство чести и стремление к славе, вызывавшее на блестящие военные подвиги, отступали у индийцев на задний план перед нравственными качествами и добродетелями; пробуждалась жажда покоя и мирной жизни, страстное стремление к гражданскому порядку и законности.

Необузданная фантазия наполняла небо, воздух и землю вымышленными образами богов и странствующими душами и за мифологически-поэтическим миром грез забывала земное существование и действительную жизнь с ее изменчивыми судьбами. «Увлекаемые своей беспредметной чувствительностью и уносясь на крыльях своей фантазии, лишенной каких бы то ни было издержек, индийцы лишь изредка опускались из мира грез на твердую почву действительности». У них не было глубокого самосознания сильной личности, которая самостоятельно, за собственный страх борется с судьбой, роковой непобедимой судьбой, «которая, давя человека, возвышает его».

Историческая жизнь не была для них постепенным усовершенствованием, это был лишь печальный переход к уни-

чтожению, небытию. «Поэтому в самосознании индусов звучит глубокое чувство грусти, тихая женственная печаль». Только жизнь богов представляла для них интерес и значение.

Вследствие этого они утратили представление об общей родине и об общих целях и интересах во всех земных делах. И вместе с тем историческая жизнь индийцев совершенно потеряла почву. Невольно вспоминаются здесь слова Шиллера: «Их жизнь началась и окончилась в священных книгах святой инквизиции», то есть вся историческая жизнь вылилась в религии. Блестящая яркими красками природа, богатое растительное царство, среди которого жил индус, пробуждали в нем любовь к природе и вызывали в его воображении нежные поэтические образы, отражая нравственные воззрения народа, нежность и мягкость его чувств. Но понять и исследовать материальный мир и мир изменчивого, преходящего существования он не был в состоянии.

Ввиду этого брахманам было легко подавить всякое деятельное проявление энергии в земной жизни, в зародыше уничтожить всякое стремление к внутренней и внешней свободе, изгнать из встревоженной души всякую жизнерадостность и светлое чувство; и люди, поверившие суровому учению о переселениях и адских муках – самое постыдное порождение человеческого безумия, – вечно томила в беспредельном страхе. Кроме того, железная принудительность кастового строя с его сословным высокомерием, с презри-

тельным отношением к человеку, ужасный деспотизм властителей с неслыханным гнетом налогов, полный произвол в области прав – все это сделало страну индусов великой долиной печали.

Вот почему эта большая ветвь арийского племени, несмотря на свои выдающиеся дарования и свою высокую духовную жизнь, оказала лишь едва заметное влияние на всеобщее развитие человечества. Религия индуса не возвысила, не облагородила его; жалко влачил он свое существование и жалко умирал.

Его природные духовные дарования заглохли в пределах его родины от чрезмерного изобилия ее природы. Даже великие продукты творчества индусов в области словообразования (они довели грамматику до такого совершенства, какого достигли только греки и арабы), поэзии и промышленности нашли весьма мало признания и распространения. «Индусы, которые казались призванными сделаться цветущей ветвью на древе жизни народов, уже очень рано превратились в мертвенный сук».

Тайное общество брахманов и его учение

Религия индусов, так властно порабощавшая умы, создавала ужасный кастовый строй; это всемирно-историческое явление навлекло на несчастный народ всевозможные бедствия.

После завоевания долины Ганга черные обитатели ее частью были обращены в рабство, частью добровольно подчинились новым властителям и приняли язык, образ жизни и культ победителей.

Таким путем вначале образовалось два класса людей, резко различавшихся по своему происхождению и правовому положению: победители – арии и лично – свободное туземное население шудры; в качестве рабов и поденщиков, слуг и носильщиков туземцы вели довольно сносное существование при жилищах и поместьях победителей.

Эта резкая противоположность между властителями и подчиненным, цветным населением не сгладилась. Арийцы во все времена были главенствующим классом.

В дальнейшем историческом развитии новые поселенцы образовали три сословия, или касты, различавшиеся по занятиям и происхождению; эти касты так же, как и египетские, напоминали до некоторой степени ученое, военное и земледельческое сословие христиано-германской эпохи.

Когда прошел тяжелый период борьбы за новые владения, когда уснул героический дух народа, главная масса победителей предпочла посвятить себя мирным занятиям, земледелию и скотоводству. За тяжелым ежедневным трудом арийский крестьянин вскоре забыл военное искусство и разучился владеть оружием. Эти занятия – борьбу с врагом и охрану границ – он охотно уступил тем, кого привлекала слава и добыча: предводителям и военной аристократии, выделившей-

ся во время завоевательных войн. Мирно и спокойно жил он с женой и детьми на своей ниве. «Он живет по соседству со своей пашней, мирные поля окружают его сельскую хижину».

На всех этих хлебопашцев и пастухов – вайший – смотрели как на людей неравноправных.

С ростом культуры отношения становились все сложнее и жизненные потребности все разностороннее. «В пламенной борьбе разгораются соревнующиеся силы». Население не ограничивается одним земледелием и скотоводством, но постепенно обращается к ремеслам, торговле, промышленности. Из промышленного класса развивается городская буржуазия.

Индусская культура пошла по тому же пути. И в Индии вайший также составляли большую часть обитателей многолюдных, гордых своим пышным великолепием городов, выраставших вблизи блестящих столиц.

Но арийской буржуазии не удалось занять более высокое общественное положение и добиться большого почета. Отстраненный от высшей духовной жизни нации, трудолюбивый горожанин был прикован железными узами наследственности к своему плугу или отцовскому ремеслу. Доступ в сословие воинов или в касту брахманов был для него навсегда прегражден. Период мира, сменивший эпоху завоевательных войн, умалил, правда, значение военного сословия, но тем упорнее оно чуждалось вайший и с высокомери-

ем суверена взирало на его трудовую жизнь. Отличаясь воспитанием, военным искусством и образом жизни как от трудящегося класса, так и от брахманов, это сословие составляло военную аристократию, которая вела беспечное существование, которая даже и при изменившихся условиях быта оставалась верной воинственным нравам предков, которая, вместе с родовой спесью и военной славой, передала потомкам также и уважение к жреческому сословию, покровительствовавшему ее обособленному положению. «Среди этих аристократических родов сохранилось воспоминание о подвигах предков, о жарких битвах прошлого. Певцы царей и высшей аристократии пели старинные песни во время торжественных жертвоприношений и погребальных пиршеств или же прославляли их в новых песнях, из которых постепенно складывался эпос индийцев».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.